

ОХОТНИЦА ЗА СКАЛЬПАМИ СМЕРТЕЛЬНЫЕ ВРАГИ

САЛЬГАРИ

АСТ
АСТРЕЛЬ

ЭМИЛИО
САЛЬГАРИ

Эмилио Сальгари

**Охотница за скальпами.
Смертельные враги (сборник)**

«АСТ»

Сальгари Э.

Охотница за скальпами. Смертельные враги (сборник) /
Э. Сальгари — «АСТ»,

«Охотница за скальпами» и «Смертельные враги». Перед нами словно оживает эпоха покорения Запада – эпоха беспощадного противостояния колонистов и индейцев, эпоха войны, где нет ни правых, ни виноватых. Западом правит закон силы. Жестоки «краснокожие дикари». Не уступают им в жестокости и белые поселенцы. Сеют смерть «короли кольца» – мужчины. Отвагой, хитростью и коварством противостоят им женщины. Но и тем, и другим свойственно и благородство, и чувство чести, и искренняя дружба, и любовь...

Содержание

Охотница за скальпами	5
Часть первая	5
Глава I	5
Глава II	9
Глава III	12
Глава IV	15
Глава V	19
Глава VI	27
Глава VII	31
Глава VIII	36
Глава IX	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Эмилио Сальгари

Охотница за скальпами.

Смертельные враги (сборник)

Охотница за скальпами

Часть первая

Глава I

Охота за бизонами

– Эй, Гарри, Джордж! Не чуете ли вы запаха дыма? Или у вас носы поотвалились?!

Спрошенные – это были двое типичных бродяг, скитальцев-охотников великих американских степей, рослые, здоровые, костлявые молодцы с бронзовыми лицами и зоркими орлиными глазами, озабоченно оглядывались по сторонам, шумно втягивая ароматный степной воздух легкими.

– Должно быть, тебе почудилось, Джон, – отозвался старший из трапперов, Гарри.

– Почудилось? – усмехнулся первый, заведший этот разговор гигант-охотник, словно вылитый из стали. – Слава богу, шестьдесят лет мне, ребята; сорок лет с лишним брожу я по прериям, и до сих пор, за исключением тех случаев, когда голова кружилась под влиянием виски и перед глазами черт знает что мерещилось, никогда мое обоняние меня не обманывало. Вот что хотите, а дымом попахивает, и меня удивляет, почему вы этого не чувствуете.

Четвертый собеседник, до сих пор хранивший молчание, вмешался в разговор.

– Почему вы тут болтаете? Я нанял вас не болтать, а организовать охоту на бизонов.

Слова эти, произнесенные высокомерным тоном и гнусавым голосом, вызвали немедленно резкий отпор со стороны старшего траппера:

– Это в дряхлой Европе, милорд, вы можете кого-нибудь к себе в холопы нанимать. Таких вольных птиц, как мы, не закабаляют, а приглашают, милорд! Мы обязались сделать свое дело – и сделаем его, будьте спокойны, но командовать здесь вам не придется. Мы ведь и за свою и за вашу шкуру, извините, всю ответственность на себе несем. Так уж оставьте нам самим о деле позаботиться. То, что вам пустой болтовней кажется, на самом деле может оказаться весьма серьезным. Не забывайте, что вы здесь не в своем поместье, где за вами толпа наряженных попугаями ливрейных лакеев шляется, а на Диком Западе. За бизонами гоняться немудрено, шкуры их добывать не трудно; да только за стадом бизонов может оказаться невзначай целое племя краснокожих, которые с удовольствием и с нас с вами, милорд, тоже шкуры дерут. Кстати, у вас, милорд, грива уж очень заметная, редкого в прериях рыжего цвета. Если попадетесь в руки краснокожим, эти черти будут очень рады, потому что из вашего скальпа, а может быть, из вашей рыжей бороды, какой-нибудь шутник великолепный тотем устроит.

– Что такое тотем, мистер Джон? – заинтересовался тот, кого траппер называл милордом.

– Военский значок, нечто вроде бунчука¹, – ответил Джон. И потом скомандовал: – Стой! Право, откуда-то несет дымом, и это меня беспокоит.

---

¹ Бунчук – короткое древко с привязанным конским хвостом как символ власти.

Четверо всадников, затерявшихся в беспредельном просторе великих девственных степей Дикого Запада Северной Америки, задержавшись на месте, оглядывались внимательно по сторонам.

Трое из них, охотники, сидели на великолепных американских мустангах, оседланных по-мексикански. Четвертый восседал на спине прекрасной статной большой лошади, явно английского происхождения, и сам он резко отличался наружностью от своих спутников: в то время, как в тех с первого взгляда можно было безошибочно признать чистокровных сыновей Северной Америки, милорд казался типичным уроженцем туманного Альбиона. Он был очень высок, неимоверно худ, обладал водянисто-голубыми глазами, широким ртом с выпятившимися вперед зубами, остроте которых позавидовала бы любая акула, и его тощее неуклюжее тело облекал совсем не подходящий для странствий по прериям костюм из белой фланели, а на голове красовалась пробковая каска, обмотанная голубой вуалью.

После пятиминутного молчания англичанин спросил старшего траппера:

– Ну, что же, мистер Джон, где ваши хваленые бизоны? Я начинаю раскаиваться, что поверил предьявленным вами рекомендациям и поручил вам организовать эту экспедицию. Кроме усталости, ничего еще покуда я не испытываю. Бизонов, оказывается, очень мало, а вместо охоты на них вы угощаете меня рассказными про краснокожих, как будто не всему миру известно, что нынешние краснокожие – жалкие трусы, убегающие без оглядки при виде белого.

Траппер усмехнулся презрительно.

– Век живи, век учись, а дураком непременно помрешь, милорд. Должно быть, от очень умных людей вы свои сведения о трусости индейцев получили. Если вашим источникам поверить, так краснокожие очень на кроликов похожи. Чуть на них кухарка ногой топнет – они под печку улепетывать. Жаль, нам с Гарри и Джорджем за всю нашу жизнь с такими кроткими индейцами встречаться не приходилось. Если бы было время, могли бы мы вам рассказать про встречи с индейцами кое-что иное. Жаль только, времени нет: проклятый запах дыма беспокоит меня. Не иначе как горит прерия где-то. А это штука такая, что как бы нам самим в кроликов, которых кроткие и трусливые краснокожие собираются живьем зажарить, не превратиться. Помолчите-ка вы, милорд, покуда!

И с этими словами старый охотник снова принялся оглядывать горизонт, приподымаясь на стременах.

Близился вечер. Огненный шар солнца закатывался уже за зубчатые пики величественной горной цепи Ларамы, прорезающей штат Вайоминг, один из центральных штатов Северной Америки, еще и в наши дни отличающийся малою населенностью и дикостью природы.

Полное спокойствие царило вокруг. Не было слышно ни единого звука, кроме пофыркивания четырех лошадей охотничьей экспедиции. Великая степь казалась безжизненной: около охотников не показывалось ни зверя ни птицы. Исчезли куда-то прежде следовавшие в чаянии какой-либо добычи из остатков охотничьей трапезы койоты, – эти мелкорослые степные волки, напоминающие головою и хвостом лисиц, трусливые и вместе с тем наглые, хитрые и алчные.

Что-то случилось в степном просторе, но что именно?

Однако по многочисленным следам безошибочный взор трапперов определял, что еще лишь несколько часов тому назад именно в этой местности прошло огромное стадо могучих и смелых обитателей прерии, великолепных бизонов. А теперь, как ни смотрел Джон, бизонов нельзя было увидеть на громадном расстоянии, доступном взору охотников.

– Не нравится мне это, – угрюмо ворчал Джон. – Что-то творится вокруг, а что именно – никак не разберу. Тишина эта подозрительна. Хоть бы кто-нибудь голос подал.

Словно в ответ на ворчание старого охотника издали, с расстояния не менее полукилометра до экспедиции донесся явственно слышимый звук ружейного выстрела. Джон вздрогнул и пробормотал какое-то проклятие.

– Может быть, – обратился к трапперу англичанин, – здесь еще кто-нибудь охотится? Что, если бы мы присоединились к этим людям?

Не отвечая на вопрос милорда, Джон обратился к младшим трапперам:

– А вы, ребята, что скажете?

– Надо бы посмотреть, – отозвался Гарри. – Сам знаешь, покуда не выясним, кто тут шляется, располагаться на ночлег было бы рискованно. Ведь, как-никак, это территория сиу. С ними не шутят.

– Ну, так вперед, ребята! – скомандовал Джон и дал шпоры своему мустангу. Лошади, утопая почти по грудь в густой и сочной, но начинавшей уже заметно высыхать под беспощадными солнечными лучами степной траве, резко понесли в том направлении, откуда донесся звук ружейного выстрела. Через пять-шесть минут всадники остановились, повинувшись крику скакавшего впереди Джона: внезапно с земли поднялась целая куча мелких и крупных крылатых степных хищников, представителей рода коршунов и воронов, которые, оглашая безмолвный простор степи, стали кружиться над головами охотников, словно стараясь отпугнуть их от этого места, на котором они, судя по всему, совершали свое пиршество. Потом, видя, что охотники намереваются продолжать свой путь, трусливое воронье со зловецким карканьем разлетелось по всем направлениям, исчезая в надвигавшемся сумраке ночи.

– Сходи с лошади, ребята, держи ружья на изготовку! Тут, должно быть, что-нибудь произошло. Я не я буду, если мы на троп не наткнемся.

Ведя лошадей в поводу, охотники сделали несколько десятков шагов.

– О, кроважанные дьяволы! – вырвался гневный возглас из груди Джона. – Я так и предвидел: это недобрый знак. Сиу вырыли из земли топор битвы, и Сидящий Бык вышел на тропу войны. Вот, должно быть, первая жертва.

Следовавшие за Джоном трапперы и сам эксцентричный англичанин не могли побороть пробежавшей по их телам дрожи ужаса при взгляде на представившееся их взорам фантастическое и кровавое зрелище, заставлявшее застывать кровь в жилах: в центре небольшой полянки, образованной вытопанной и полегшей на землю травой, стоял невысокий столб, к которому был привязан совершенно нагой человек. Его тело было покрыто кровью, ручьями стекавшей с изуродованной, лишённой скальпированием волос головы. Три стрелы торчали в левом боку несчастного, впившись симметрично несколько ниже сердца.

Джон, охваченный волнением, бросив повод дрожавшей всем телом лошади, шагнул к обезображенному трупу, но тотчас же отпрянул в сторону, увидев на груди несчастного, жертвы индейцев, характерный знак – начертанную кровью птицу с распущенными крыльями.

– Ох! Знак Миннегаги, кроважальной дочери Яллы, женщины-сахема. Если проклятая индейская змея, которую мы так неосторожно выпустили тогда из рук, находится здесь со своими воинами, – мы пропали.

– Мстит всем белым за смерть своего брата, которого мы расстреляли по приказу полковника Деванделля в Ущелье Могил во время первого восстания пяти индейских племен, – отозвался один из трапперов, угрюмо глядя на залитое кровью тело скальпированного.

– Не в добрый час тогда отдал Деванделль свой приказ, – отозвался Джон. – Дорого пришлось нам платить за расстрелянного индейца. Ведь и сам Деванделль свой скальп потерял. Как только жив остался?

В этот момент слабый глухой стон всколыхнул воздух. Невольно охотники испуганно переглянулись. Первым опомнился Джон и бросился к скальпированному, покрытая кровью голова которого неожиданно зашевелилась.

– Он жив! – воскликнул Джон. – Гарри! Помоги мне отвязать его.

Джон выхватил длинный охотничий мексиканский нож, чтобы перерезать привязывавшие несчастного к столбу веревки, как вдруг новый крик вырвался из его груди:

– Великий Боже! Или меня мои глаза обманывают? Смотрите, Гарри, Джордж! Ведь это Гильс, почтальон из Кампы. Ах, несчастный!

В мгновение ока оживший скальпированный был освобожден от уз и положен на снятое с лошади Джона одеяло. Траппер поднес к его устам свою фляжку, наполненную виски. Жгучая жидкость словно гальванизировала умирающего: его глаза раскрылись, мутный взор устремился сначала на Джона, потом на его спутников.

– Индейский агент... Это ты, Джон? И с тобою, как всегда, Гарри и Джордж? А я... помираю. Поймали-таки меня краснокожие и... Конец моим странствованиям. Миннегага...

– Я так и знал! – пробормотал Джон. – Это она за смерть Яллы и Ночной Птицы мстит.

– Я был тогда с вами в отряде Деванделля, – чуть слышно прошептал умирающий Гильс. – Тогда-то удалось дешево отделаться, а теперь не выкрутился.

– Миннегага поклялась скальпировать всех, кто тогда участвовал в этой кровавой бойне, – словно про себя промолвил взволнованный индейский агент, отирая крупные капли пота, выступившие на лбу. – Эх, на кой черт понесло меня в эту проклятую область, где на каждом шагу грозит гибель? Сумасшедший англичанин, ради избавления от сплина гонящийся за бизонами, мог бы и без меня организовать свою дурацкую экспедицию. А теперь того и гляди, как бы без скальпа не остаться, да и без головы в придачу.

– Умираю я, Джон, – уже совсем глухим, чуть слышным голосом произнес скальпированный. – А ты спасайся, Джон. Скачи, несись. Найди генерала Честера. Скажи: Гильс доносит, что Сидящий Бык топор войны вырыл... Племя сиу все поднялось... Бэд Тернер, должно быть, как и я, убит. Он был со мною, когда на нас напали. Добирайся, Джон, до Честера. Его лагерь на берегу Орза. Скажи: краснокожие ловушку ему гото...

Гильс не закончил. По истерзанному телу побежала судорога, глаза закрылись, лежавшая на груди рука тяжело упала.

– Кончено! Одним добрым малым, храбрым траппером в прерии меньше, – произнес печальным голосом Джон, обнажая голову перед трупом.

Англичанин, молча наблюдавший эту тяжелую сцену, тронул за рукав индейского агента.

– Мистер Джон! – сказал он гнусавым голосом. – Вы отвлекаетесь от ваших обязанностей. Вы, кажется, позабыли, что обязались устроить мне охоту на бизонов, а вместо этого возитесь с человеком, который даже не сказал, видел ли он тут бизонов, сколько их, куда они пошли... Впрочем, это ваша вина, мистер Джон: вы должны были раньше, чем этот человек помер, спросить его обо всем. Может быть, он еще оживет? Налейте ему в рот водки, и если он очнется, то спросите его о бизонах.

Индейский агент, с негодованием стряхнув со своего плеча руку англичанина, вскричал:

– К черту! Если вам нужны бизоны, милорд, так и отправляйтесь искать их сами! У меня есть дело поважней, чем гоняться за животными.

– Но я вам заплатил все вперед! – возмутился «милорд».

– Что? Заплатили вперед? Я хоть сейчас верну вам все деньги. Берите и убирайтесь с ними на все четыре стороны!

– Вы нарушаете наш контракт, мистер охотник! – возопил англичанин. – Я отправляюсь в Вашингтон, сообщу о вашем поведении нашему посланнику, и вас посадят в тюрьму.

– Ладно! Пожалуйста, садитесь на вашего коня и скачите к посланнику или хоть к самой королеве Виктории, – засмеялся индейский агент, презрительно пожимая плечами, – только вот что: хоть у вас сердца и нету, да и в чердаке, что у вас вместо мозга, кажется, дряни какой-то понасыпано, а я все же должен вас предупредить, что мы, кажется, со всех сторон охвачены индейцами, и если вы пошевелитесь без нас, берегите, повторяю вам, свою шкуру. Если попадете в руки Миннегаги, то пощады вам не будет, хоть вы и знатный иностранец.

– А кто это Миннегага? – высокомерно осведомился англичанин, обращаясь опять к трапперу. – Джентльмен или леди?

– Леди? – горько засмеялся Джон. – Я бы скорее назвал ее тигрицей в образе женщины.
– О, это, должно быть, интересно. Я знал много светских львиц в Лондоне и Трувилле. Там были преопасные женщины, уверяю вас, мистер Джон. Но меня они никогда не могли покорить. И я думаю, что ваша мисс или миссис Миннегага окажется ничуть не опаснее, чем эти леди. Может быть, вы устроите так, чтобы я имел честь быть представленным этой особе? У меня есть рекомендации от нашего посольства в Вашингтоне. Если понадобятся какие-либо издержки, я, конечно, не замедлю заплатить по счету.

Индийский агент не выдержал и рассмеялся.

– Убей меня Бог! – воскликнул он. – Видел я чудачков и юродивых, но такого, как вы, милорд, еще не приходилось. Да вы поймите: эта «леди», которой вы хотите представиться, может быть, два-три часа тому назад скальпировала несчастного Гильса.

– Но он был американец, – невозмутимо отозвался милорд, – а я – англичанин.

– Миннегага не спросит, откуда вы: прирежет или пристрелит – вот и все! Не чудите, милорд! Да нам и некогда возиться с вами. Лишь бы удалось свои скальпы спасти да Честера предупредить.

– А это кто такой? – осведомился англичанин. – Может быть, какой-нибудь родственник этой пресловутой мисс Миннегаги?

– А ну вас в болото! – не выдержал индийский агент.

– Мистер Честер вовсе не краснокожий, а генерал на службе Североамериканских Соединенных Штатов, он находится в этой области с небольшим отрядом, и если мы его не предупредим, он может здорово вляпаться. На лошадей же, ребята! И помчимся на поиски генерала!

Индийский агент взялся за узду своей лошади, но сейчас же круто обернулся.

– Где моя голова, ребята?

– Разве вы потеряли ее? – невольно засмеялся кто-то из трапперов.

– Не до шуток, ребята! – рассердился индийский агент.

– Да что случилось? – осведомился Гарри.

– Я говорю о Тернере. – Ведь, по словам Гильса, он был тут, и если его не убили, что очень вероятно, то, значит, он и сейчас прячется здесь. Понимаете? Один-одинешенек, со всех сторон окружен опасностями. Как-никак, нас тут четверо, и стыдно было бы бросить товарища на произвол судьбы. Попытаемся выручить его.

– Попытаемся, – отозвались трапперы в один голос.

Глава II Прерия

Из-за горного хребта выплыла светлая луна, и ее призрачные голубоватые лучи озарили прерию.

С наступлением ночи степь несколько оживилась: правда, ни людей, ни животных наши странники не встречали, но степь пела и рассказывала сказки ночи миллионами голосов скрывающихся в густой траве насекомых, а время от времени издали доносился зловещий жалобный вой койота, выбравшегося в сумерках из своей норы на поиски добычи.

Трое трапперов ехали в угрюмом молчании, охваченные предчувствием близкой опасности, и время от времени обменивались короткими замечаниями, передавая друг другу свое мнение о том или ином подмеченном на ходу явлении.

Англичанин, на которого никто не обращал больше внимания, сначала поворчал что-то о недобросовестности проводников, о своем непременном желании теперь же заняться охотой на бизонов, но потом довольно скоро сообразил, что, в самом деле, его светлой шевелюре грозит опасность украсить мокасины какого-нибудь краснокожего вождя, и покорился своей участи, последовав за трапперами.

Впереди маленького отряда, прокладывая ему дорогу, ехал старый индейский агент Джон, держа под рукою свою бьющую без промаха винтовку. Мрачны были думы старика: его беспокоила участь Бэда Тернера.

Если только Тернер не попал в руки сиу, – а на это можно было надеяться, так как охотник этот славился на всем Диком Западе своей неустрашимостью, опытом, ловкостью и находчивостью, – то можно было ожидать, что он спрячется где-нибудь поблизости, вероятнее всего, укрываясь в густой траве.

– Такого старого хитреца, – бормотал Джон, – не так-то легко захватить врасплох. Держу пари, он и на этот раз благополучно удрал от смерти, надул зубастую ведьму, как надувал уже тысячу раз. Поищем же его.

Прошло несколько минут в этих блужданиях, как вдруг Джон круто повернулся к Гарри и сказал:

– Что-то творится-таки. Может, у тебя уши заложило, хоть ты на двадцать лет и моложе меня, но я-то слышу отлично: впереди нас несется большое стадо бизонов. Сам знаешь, ночью бизоны не любят передвигаться, разве что уходят от какой-нибудь опасности.

– Может, индейцы за ними гонятся? – высказал предположение Гарри.

– Черта с два! – выругался индейский агент. – Если гонятся сиу, то не за четвероногими, а за двуногими. Будь я проклят, если наше присутствие осталось до сих пор незамеченным для краснокожих ищеек Миннегаги или Сидящего Быка.

– Что же нам делать? – спросил Джордж. – Если идти навстречу бизонам, как бы они не растоптали нас!

– Дудки! – кратко отозвался Джон. – Во-первых, от копыт бизонов легче удрать, чем от лассо или стрел индейцев. А во-вторых, очень возможно, что Бэд Тернер не преминет воспользоваться случаем, чтобы замести свои следы, и пойдет поэтому за бизонами, так что нам будет легче его разыскать.

– Боюсь, – сказал Гарри вполголоса, – если этот англичанин увидит вблизи от себя бизонов, он не удержится и примется палить по ним, а ведь одного выстрела будет достаточно, чтобы целая шайка индейцев бросилась по нашим следам.

– Верно! – отозвался Джон. – Ну, да это можно уладить.

Подъехав к англичанину, не слышавшему ни единого слова из всего этого разговора, Джон обратился к нему с просьбой дать посмотреть охотничий карабин, ссылаясь на близость бизонов. Не подозревая хитрости, англичанин передал свое оружие индейскому агенту. Завладев карабином, Джон сказал милорду:

– Вот что, сэр. Хоть бизоны и очень близки, но ружье я вам отдам только тогда, когда найду это нужным. А куда обойдетесь и без него.

Трудно себе представить, что произошло с обезоруженным англичанином.

Сначала он осыпал трапперов всеми известными английскому языку ругательствами, потом же, видя, что это на них не действует, он соскочил с лошади, засучил рукава и стал вызывать на кулачный бой всех трех трапперов поодиночке, обещаясь при помощи бокса научить их деликатному обращению.

Но и это не произвело на охотников никакого впечатления.

– Если бы я был помоложе, милорд, – процедил сквозь зубы Джон, – да была бы у меня голова глиною набита, как кое у кого из нас четверых, не во гнев будь сказано вашей милости, – то я был бы не прочь обменяться с вами парочкою кулачных ударов, чтобы испытать крепость ваших благородных костей. Да теперь не до подобных пустяков. Делайте что хотите. А уж если у вас так кулаки чешутся, то через пять минут вам представится отличный случай: бизоны уже очень близки – вот-вот нагрянут, выберите вы себе какого-нибудь бугая и попробуйте подраться с ним. Если же вам ваша шкура дорога, то бросьте ерундить, садитесь на лошадь и гоните следом за нами. Ни ждать вас, ни нянчиться с вами у нас нет ни времени, ни охоты.

С этими словами охотник тронул своего мустанга. Гарри и Джордж последовали за ним, не обращая никакого внимания на англичанина, который, неистово ругаясь, топтался на одном месте и размахивал кулаками, словно ветряная мельница.

– Хорошо ли так оставлять его? – усомнился Гарри.

– А ну его к черту! – отозвался Джон. – Таков закон степи – если грозит опасность, то нельзя терять время из-за диких фантазий этого полоумного. Да он скоро опомнится и присоединится к нам. А если нет и если индейцы не оскальпируют его, то, когда пройдут бизоны, мы вернемся сюда и возьмем его с собою. Но будет болтать! Вот уж близки первые ряды бизонов. Держите крепко своих лошадей, не допускайте паники, а то будет плохо.

В самом деле, гигантские четвероногие были уже близки. При неверном призрачном свете луны легко можно было различить передовые отряды могучих бизонов, мчавшихся по степи. Дорогу прокладывали старые быки, вооруженные колоссальными, все сокрушающими рогами. За быками, на коротком расстоянии от них, сбившись тесно в кучу, мелкою рысцою подвигались самки и телята. По бокам от главной массы животных опять-таки шли наиболее крупные быки, которые защищали фланги от нападения степных хищников.

По всем признакам стадо состояло, во всяком случае, из нескольких сот животных.

Ко времени, к которому относится настоящий рассказ, бизоны на Диком Западе уже не водились в таком громадном количестве, как раньше, когда не редкостью было встретить стадо в три, четыре и даже в пять тысяч голов: беспощадные преследования, которым на протяжении многих десятилетий девятнадцатого века подвергалось это великолепное животное не столько со стороны индейцев, живущих продуктами охоты, сколько со стороны безрассудно алчных американских охотников-промысловиков, проредили некогда неисчислимыя стада этих царей степи. Но все же и остатки колоссальных стад бизонов иногда представляли весьма внушительную силу, как было в данном случае.

Наблюдая на расстоянии нескольких десятков шагов этот могучий живой поток, опытный степной охотник становился все более и более мрачным.

– Прямо не пойму, – ворчал он, – что тут творится. Единственное объяснение нахожу в том, что бизонов гонит степной пожар. Запах дыма ведь усиливается.

– Да огня-то не видно, – отозвался кто-то из молодых трапперов.

– Ничего не значит, – ответил индейский агент. – Покуда ветер так слаб, мы огня и не увидим. Но степь впереди нас горит.

– Так что же, Джон? Придется возвращаться? Подберем полоумного англичанина, да и махнем к генералу Честеру. Явно, Бэда Тернера не разыщешь.

Индейский агент не отвечал. Он, приподнявшись на стременах, упорно глядел куда-то в сторону, сжимая дуло своего неразлучного карабина.

Минуту спустя он крикнул:

– Будь я неладен, если это не Бэд Тернер! Он улепетывает во все лопатки от гонящихся за ним шести или семи краснокожих. Бац! Одним красным червяком меньше! Ах, нет: свалена только лошадь, а всадник поднимается.

С небольшого пригорка, у подножия которого показались уже первые ряды бизонов, трапперам теперь было отлично видно, как за одиноким всадником в белом плаще по пятам гналась группа индейцев.

– Вперед, ребята! – воскликнул Джон, и, повинуясь его приказанию, трапперы ринулись, беспощадно прищпоривая своих лошадей, прямо на живой поток, состоявший из нескольких сот бизонов. На бегу всадники неистово кричали и стреляли из револьверов, конечно, не целясь, с единственной целью испугать бизонов и заставить их расступиться. Этот чрезвычайно рискованный маневр удался блестяще, и маленький отряд, словно окунувшись в черные волны ревущего потока, через несколько минут уже выбрался на простор, откуда охотникам еще яснее представилась сцена погони индейцев за беглецом.

Теперь преследователей было только пятеро. Временами они стреляли по убежавшему, но дикая скачка не давала возможности верного прицела, и пули безрезультатно сверлили воздух.

Беглец уже обратил внимание на близость охотников и поспешил изменить направление, чтобы скорей соединиться со своими спасителями. Индейцы тоже заметили, что к беглецу идут на помощь, но это не остановило их. Желанная добыча была слишком драгоценна, чтобы отказаться от нее без боя, тем более что, как мы сказали выше, на стороне индейцев был некоторый численный перевес. Так мчались в эту голубую, полную очарования и царственного покоя ночь по простору девственных степей две группы людей навстречу друг другу, неся в своей груди не мир и любовь, а ненасытную, неугасимую ненависть двух рас.

– У них, должно быть, винчестеры, – сказал Джон, придерживая своего мустанга. – Стой, ребята! Наши карабины берут дальше, и нам надо этим воспользоваться. Цельтесь постарательнее! Ты, Гарри, бери кого-нибудь из левых, я буду бить в середку, а тебе, Джордж, – правая сторона. Ну, разом!

Три выстрела слились почти в один. Три огненных меча рассекли воздух. И когда голубоватый пороховой дым рассеялся в душном ночном степном воздухе, трапперам стало видно, как беглец, освободившийся от преследователей, галопом приближался к своим спасителям. Двое индейских всадников, поворотив лошадей, молнией уносились от места схватки во мглу ночи. Трех остальных не было видно: беспощадные пули из карабинов охотников словно ударом молнии прервали стремительный бег, поразив или всадников, или их лошадей.

– Джон! Индейский агент! – кричал радостно, приближаясь к трапперам, спасенный беглец. – Как раз вовремя! Я уже думал, что мне не уйти от этих зверей.

– Здорово, Бэд! – отвечал индейский агент, протягивая пришельцу свою могучую длань. – Рад, что мне удалось оказать тебе маленькую услугу, но боюсь, что грозящая нашим скальпам опасность далеко не миновала: дела у нас неважные. Ну да об этом еще подумаем.

Глава III Бэд Тернер

Теперь Бэд Тернер – полулегендарная фигура. С его именем, как и с именем другого героя Дикого Запада, Буффало Билля, связана целая литературная традиция, причем, как водится, нагромождены горы невероятной лжи. На самом деле Бэд Тернер – отнюдь не выдумка досужих романистов: он умер в глубокой старости в 1908 году в городке Тантоне на Миссури. Его жизнь – это какая-то пестрая и, к сожалению, часто кровавая кошмарная сказка. Похождениями этого человека, не вымышленными, а настоящими, но часто кажущимися более фантастичными, чем любой вымысел, можно наполнить несколько десятков томов. Достаточно сказать, что на Диком Западе, где никогда не было недостатка в отчаянно храбрых людях, вся жизнь которых была соткана из кровавых приключений, Бэд Тернер ухитрился выделиться и приобрести себе особую репутацию.

Бэд – «Без промаха», «Кровавый Бэд», – таковы были прозвища, данные Бэду Тернеру поселенцами.

Пусть не думает наш читатель, что Бэд Тернер был кровожадным молодцом типа тех многочисленных, к сожалению, степных бродяг Северной Америки, для которых чужая жизнь была игрушкой и злодейство, остающееся безнаказанным, приятной забавой. Ничего подобного.

Правда, Бэд Тернер на своем веку пережил бесчисленное множество приключений, и едва ли он сам был в состоянии сказать, сколько человек пало от его руки. Тут были и мексиканские ковбои, и золотоискатели гамбузино, и европейские переселенцы, и охотники янки, и, конечно, краснокожие. Но никогда Бэд Тернер не осквернил своих рук, охотясь за индейскими

скальпами, за которые, как известно, «гуманное» мексиканское правительство еще недавно выплачивало убийцам премию в пятьдесят долларов.

Неукротимо храбрый и, вместе с тем, сдержанный, по существу добродушный, но самолюбивый, Бэд Тернер никогда ни на кого не нападал, никого не затрагивал, не искал приключений. Но горе было тому, кто оскорблял или вызывал этого человека: Бэд Тернер не знал, что такое пощада. Кроме того, он был непримиримым и беспощадным врагом всей той человеческой накипи, которая потоком хлынула на Дальний Запад при первых вестях о золотых и серебряных россыпях этого сказочно богатого, но дикого края. Как-то сложилось само собою, что Бэд Тернер превратился в истребителя грабителей больших дорог, конокрадов и насильников, отравлявших жизнь населения приисков.

Услыхав о кровавых подвигах какого-нибудь бандита, терроризировавшего округу, или услышав обращенную к нему просьбу о помощи ограбленного поселенца или золотоискателя, Бэд Тернер являлся на место и не успокаивался, покуда не совершалось правосудие. И не его виной, разумеется, было то обстоятельство, что в этой дикой местности, среди одичалого, предоставленного самому себе населения, господствовал только единственный закон: око за око, жизнь за жизнь...

Популярность Бэда Тернера в этом отношении была такова, что дикое население округа Гольд-Сити избрало Бэда Тернера шерифом, и старожилы еще и теперь вспоминают, как Тернер без пощады истреблял грабителей поездов и бандитов больших дорог.

Между прочим, именно к этой эпохе относится нашумевший поединок Тернера с одним из величайших злодеев Дикого Запада, бандитом Кроуфордом, наводя ужас на многочисленные поселки у серебряных рудников Колорадо. Борьба против бандита велась целыми отрядами американской милиции, причем экспедицией руководил знаменитый Буффало Билль; но на этот раз прославленному герою Дикого Запада не повезло: Кроуфорд, словно заколдованный, непостижимым образом исчезал из самых, кажется, хитрых ловушек. Услышав об этом, Бэд Тернер направился в одиночку за несколько сот километров к месту кровавых подвигов Кроуфорда и как-то приехал в лагерь Буффало Билля со странною и страшною ношей: он держал перед собой человеческий труп поперек седла.

– Доброго утра, Коди! – сказал он, когда Буффало Билль вышел из своей палатки к нему навстречу. – Кажется, ты именно этого человека искал?

И он бросил с седла на траву к ногам Буффало Билля изуродованный труп.

– Джек Кроуфорд? – невольно попятился Буффало Билль, узнав черты прославленного бандита.

– Как видишь! – хладнокровно ответил Тернер. – Он прятался в непроходимых трущобах. Ты его совсем затравил. Ну, я поехал к нему и предложил испробовать, чей револьвер бьет сильнее. Оказалось, этот молодчик стреляет недурно, но слишком горячится, и вот я привез показать тебе его...

– Какого черта нужно вам тут, Тернер? – осведомился индейский агент Джон, пожав руку спасшегося от преследований индейцев шерифа. – Разве вы не знаете, что это территория сиу?

– Именно потому, что я знал об этом слишком хорошо, вы меня тут и встретили в приятной компании, – смеясь отозвался Тернер. – А вот вас-то какая нелегкая принесла сюда, когда весь край вот-вот будет охвачен огнем восстания?

– В том и штука, что я о восстании ничего не подозревал, – отозвался несколько смущенно индейский агент. – Взялись мы с товарищами одного полоумного англичанина сюда сопровождать, чтобы показать ему охоту на бизонов, а попали в осиное гнездо. Только два-три часа назад мы узнали, что Сидящий Бык и Миннегага, дочь знаменитой кровожадной Яллы и вождя Красного Облака, вырыли топор войны. Мы узнали это от вашего товарища Гильса.

– Он, значит, спасся? Где он?

– Увы, нет. Миннегага скальпировала несчастного.

Проклятие сорвалось с уст Бэда Тернера.

– Судьба! – сказал он глухо. – Но это закон прерии...

Помолчав немного, он заговорил снова:

– Ну, господи? Что ж вы думаете предпринять? Сами видите, тут заваривается каша. Единственная надежда на спасение – удирать отсюда как можно скорее. Самое лучшее будет – это следовать за бегущими бизонами, если только ваши лошади еще в силах.

– Я и сам так думаю! – ответил индейский агент. – Кстати, по дороге придется поискать отставшего от нас милорда.

– Это что за фигура? – осведомился Бэд Тернер.

– Поедем, не теряя времени, по дороге я все расскажу.

И маленькая группа тронулась галопом в путь, идя по следам убежавших к югу бизонов.

Часа полтора или два до полуночи и еще часа два после нее длился этот бег. Лошади были заметно утомлены, но еще бодро держались на ногах. Индейцы не показывались, но никто из охотников не сомневался в возможности их непосредственной близости. Впрочем, не эта опасность смущала индейского агента: с каждым часом по мере приближения рассвета он все сильнее чувствовал запах гари, насыщавшей душный воздух прерии. Короткая ночь миновала. Забрезжила утренняя зорька, потом заблестели лучи всплывшего на горизонте солнца.

– Вот они, бизоны! – воскликнул Джон.

В самом деле, огромная черная масса, живой поток, образованный многими сотнями, может быть, тысячами колоссальных животных, чернел на горизонте, двигаясь по направлению к берегам Орза, где, как знали трапперы, находился отряд генерала Честера, оберегавший поселения белых от возможного нападения индейцев. Отряд этот за последнее время имел достаточно работы, потому что среди индейцев уже шло серьезное брожение и пять великих племен, принимавших участие в первом кровавом восстании, со дня на день готовились выступить в поле.

Внезапно Джон разглядел одинокую человеческую фигуру, двигавшуюся параллельно стаду бизонов: это был эксцентричный англичанин.

Едва охотники приблизились к милорду, как он набросился на Джона со свирепыми попреками, осыпая индейского агента всевозможными ругательствами.

– Вы обманули меня дерзко и нагло! – кричал он. – Это грабеж, это разбой, это позор! Целая тысяча бизонов прошла мимо меня, а я не мог стрелять в них, я не мог убить ни одного животного. Я буду жаловаться нашему посланнику в Вашингтоне.

– Сколько угодно! – хладнокровно ответил Джон.

– Я напечатаю письмо в «Таймсе»!

– Хоть десять! – продолжал оставаться хладнокровным Джон. – Я вам уже говорил, милорд: не глупите. Тут не до бизонов. Впрочем, вот ваш карабин. Можете охотиться сколько вам будет угодно. Бизоны близки.

– Да! Я буду охотиться! Я для этого приехал из Англии!

– Хорошо. Делайте, говорю, что хотите. Но я еще раз должен вам сказать, что нам всем грозит смертельная опасность, и надо отсюда удирать.

– Если вы трусили, то можете удалиться! – высокомерно махнул рукою англичанин, оглядывая внимательно полученное обратно драгоценное оружие.

Лицо индейского агента потемнело, и глаза сверкнули, но внимательно следивший за переговорами Бэд Тернер положил руку на плечо Джона со словами:

– Оставьте этого человека в покое. Он вовсе не эксцентричен, а просто помешан, и пусть делает что хочет.

Четверо трапперов вновь погнали своих лошадей, покидая место, где оставался англичанин, но Гарри все же крикнул ему:

– Эй, вы, как там вас зовут? Не ерундите! Индейцы не поцеремонятся и перережут вам глотку!

– Не ваше дело! – ответил англичанин, заряжая карабин.

Отъехав на полкилометра, охотники услышали выстрелы карабина англичанина: милорд принялся за истребление бизонов.

– Пропадет ни за понюшку табаку! – промолвил, пожимая плечами, Джон.

– Да и наши дела неважны, – отозвался озабоченно Бэд Тернер. – Смотрите, дорога к реке нам отрезана: там бушует степной пожар.

– Придется направиться в горы, – сказал Гарри.

– Едва ли и там мы спасемся от пожара, – вымолвил Тернер, взглядываясь в туманную даль. – Впрочем, ничего больше не остается, как испробовать этот путь. А вы что думаете, Джон?

– Думаю, самое лучшее будет – следовать за бизонами, – сказал охотник. – Авось они проложат дорогу себе и нам, хотя бы и по пылающей степи.

Глава IV Ужасное зрелище

Прошло около четверти часа, и снова четверо всадников встретились с передовыми колоннами бегущих бизонов. Среди животных царил беспокойство: видимо, они давно уже почуяли запах гари, сознавали, какая опасность грозит им, и мчались галопом, оглашая воздух мычанием и глубокими вздохами. Этот концерт производил ошеломляющее впечатление. Земля гудела и дрожала под копытами сотен и сотен массивных ног, вокруг все было покрыто гулом, словно сто локомотивов мчались по бесконечной равнине.

– Смотрите! – воскликнул индейский агент, показывая на мелькавшее среди бизонов вдалеке животное другого семейства: это была лошадь, в которой зоркий глаз охотника не замедлил признать коня эксцентричного англичанина, но всадника на седле не было.

– Что с ним случилось, с этим полоумным? – вымолвил Гарри.

– Должно быть, какой-нибудь бизон сбил его рогами с седла, – отозвался Джордж. – Туда ему и дорога. Авось после этого излечится от своего сплина. Или одним полоумным на свете стало меньше. Убыток невелик.

– Так-то так, – вмешался в разговор Джон, – а все же дорого дал бы я, чтобы знать точно, какая участь постигла его. Может быть, и в самом деле его забодали и затоптали бизоны, но ведь может быть и то, что он попал в руки краснокожим. Ведь эти звери, несомненно, не оставят нас и будут продолжать погоню, чтобы попытаться захватить живыми и порадовать душеньку Миннегаги.

– Да уж конечно! – угрюмо улыбнулся Гарри. – Миннегага с преобладающим удовольствием собственноручно будет пытаться нас, а потом оскальпирует.

– Что вы все толкуете о Миннегаге? – осведомился Тернер, поглядывая вопросительно на старшего из трапперов. – Иль у вас с нею было раньше какое-нибудь столкновение?

– Долго рассказывать, а у нас времени нет, – отозвался Джон, пожимая плечами. – Но что нам теперь-то делать? По-моему, надо бы дать лошадям хоть немного передохнуть. Ведь наши кони еле на ногах держатся. Беда, если индейцы сейчас налетят.

Трапперы, следуя совету и примеру Джона, отпустили свободно поводья, переводя лошадей с галопа на легкую рысцу, и продолжали двигаться по степи, зорко поглядывая по сторонам в надежде отыскать еще англичанина: как-никак, его великолепный карабин мог при случае оказаться весьма полезным, если бы пришлось столкнуться с индейцами. Но жеребец по-прежнему двигался среди бизонов, которые, по-видимому, не обращали никакого внимания на неожиданного спутника.

Трудно было решить, что именно случилось с англичанином, но если бы он был живым и свободным, то, по всей вероятности, дал бы знать о своем присутствии выстрелами из карабина, а выстрелов не было слышно. Значит, он в самом деле или погиб, или захвачен индейцами.

Тем временем запах гари становился все более ощутимым и дымные тучи, поднимавшиеся на востоке, с каждой минутой становились яснее видными, словно вырастали на глазах. Временами можно было разглядеть словно целый лес колонн из дыма и колыхавшиеся под напором ветра и бежавшие по беспредельному простору степи огненные потоки. Их было теперь множество, и они мчались со сказочной быстротой прямо на путников, гонимые поднявшимся с востока ветром, не знающие себе препятствий. Одно могло удержать разлившийся по степи огненный поток – вода. Но, насколько знали трапперы, на это надеяться было невозможно, потому что на протяжении многих километров не было не только реки, но даже сколько-нибудь порядочного ручья.

Бизоны с каждым мгновением становились все беспокойнее, мычали все громче, вздымались на дыбы, то бестолково толпились на одном месте, то мчались тесно сомкнутыми рядами, то вдруг рассыпались по всем направлениям, чтобы через минуту опять собраться вместе. А беспощадный степной огонь гнался по пятам, словно тешась злой игрой с охваченными ужасом, потерявшими головы животными.

Около трех часов пополудни четверо охотников, лошади которых окончательно выбились из сил, были вынуждены остановиться и дать отдых верным животным, кстати, подвернулась небольшая и неглубокая лужа болотной воды, которая могла утолить жажду измученных людей и коней.

Едва трапперы снова отправились в путь, как выяснилось, что и с севера поднимаются те же зловещие столбы дыма. Покуда оставались свободными пути на юг и на запад, то есть в глубь территории индейцев племени сиу, но кто мог гарантировать, что степь не вспыхнет и там раньше, чем белым охотникам удастся добраться до безопасного места?

– Должно быть, индейцы поклялись-таки заживо испечь нас в этой огненной печи. Пожалуй, генерал Честер получит мой рапорт о начавшемся восстании индейцев на том свете, – бормотал обескураженно Бэд Тернер.

– Да, наше дело табак! Признаюсь, ничего придумать не могу для нашего спасения: голова совсем не работает. Дурак дураком сделался. Пожалуй, почище этого самого «милорда», – отозвался Джон. – Не придумаете ли вы чего-нибудь, шериф?

– Трудно придумать, – ответил Тернер. – А впрочем, можно попробовать. Кстати, лужи болотной воды – вот они. Трава здесь не будет гореть так сильно, как в других местах.

В этот момент мимо находившихся в огненной ловушке трапперов проходила небольшая группа бизонов. По указанию Тернера охотники пристрелили нескольких из этих великолепных животных, выбирая наиболее крупные экземпляры. Затем в мгновение ока они выпотрошили туши бизонов, работая так, как будто огненный поток не приближался уже к ним, грозя пожрать их. Теперь ясно было видно, что огненные столбы мчатся к тому месту, где находились охотники, со всех сторон, образуя настоящее кольцо.

– Понимаю! – догадался Джон. – Вы думаете, Тернер, что, забравшись внутрь трупов бизонов, мы не изжаримся?

– Попытаемся, по крайней мере, – ответил шериф. – Я однажды уже пробовал это удовольствие: проклятые арапахи подожгли степь, чтобы выкурить меня, я убил своего коня, выпотрошил, спрятался в его брюхе, скорчившись в три погибели, и, как видите, уцелел. Когда смерть смотрит в глаза, чтобы улизнуть от нее, и в брюхо клячи забереешься. Кстати: порох с вами? Давайте сюда весь порох и вообще все заряды. У меня есть непромокаемый мешок, попробуем все то, что может взорваться, положить в эту неглубокую лужу. Туда же бросайте седла и ваши лассо. Лошадей пускайте на волю. Жалко терять их, да ничего не поделаешь...

– Уф! Становится жарко! Я положительно задыхаюсь. А ты, брат Джордж? – спросил Гарри.

– Уже задохнулся, – отозвался тот.

– Не торопитесь: задохнуться всегда успеете! – прикрикнул на них Тернер. – Экие неженки, подумаешь! А еще называетесь трапперами.

– Да мы...

– Не болтать! Влезайте каждый в отдельности в брюхо любого из убитых нами бизонов, окунувшись раньше в ближайшее болотце, – командовал Тернер.

И люди исчезли в окровавленных тушах животных.

А кругом творилось что-то ужасное.

Огненное кольцо сжималось все теснее и теснее, оставляя нетронутым покуда ничтожное пространство прерии, на котором толпились не успевшие уйти от ужасной беспощадной стихии осужденные на гибель бизоны. Искры и раскаленный пепел падали дождем на животных, нанося мучительные раны, поджигая волнистые гривы. Дым, такой густой, что в нескольких шагах ничего не было видно, носился волнами. Весь воздух, казалось, горел.

Прошло некоторое время, и огненный ураган, пожравший все живое на этом несчастном месте, умчался дальше, оставляя за собою обгоревшие стволы степных растений да обугленные туши нескольких сот бизонов и четырех лошадей трапперов.

Воздух был еще наполнен зноем, и местами по почерневшей земле бежали огненные струйки, когда из-под одной туши вылезла покрытая копотью и кровью человеческая фигура. Это был Бэд Тернер.

– Джон, Гарри, Джордж! Живы вы или изжарились? – закричал он.

Послышались глухие голоса. Три ближайшие туши бизонов, словно ожив, зашевелились, и минуту спустя показались остальные охотники, измученные, задыхающиеся, но все же, словно чудом, спасшиеся от гибели.

Если бы кто заглянул сюда через полчаса, то нашел бы наших знакомцев за самым прозаическим мирным занятием: как ни ничтожно было количество воды в близкой луже, тем не менее трапперы, едва избавившись от гибели, немедленно выкупались и выстирали свою одежду, которая моментально высохла в знойном воздухе. Затем, осмотрев груды погибших в огне бизонов, они без труда нашли несколько таких, которые буквально изжарились заживо, и вырезали из туши наиболее сочные куски мяса, представлявшие уже готовое жаркое. Распожившись на кочках и бугорках болота, зелень которых была не совсем уничтожена пожаром, охотники мирно беседовали. Теперь времени было достаточно: раньше наступления ночи нечего было мечтать тронуться в путь, чтобы не попасться индейцам, а потому индейский агент воспользовался случаем и рассказывал шерифу из Гольд-Сити о своем прошлом и о событиях, с которыми было связано имя Миннегаги.

Не будем передавать подробно содержание его рассказа, в общих чертах совпадающего с тем, что узнал наш читатель из предшествующей нашей повести, озаглавленной «На Диком Западе».

Бэд Тернер с большим вниманием выслушал эту странную историю приключений и бедствий злополучного полковника Деванделля, который за ошибку молодости и брак со свирепой индейской девушкой Яллой поплатился разбитой жизнью. Деванделль имел несчастье расстрелять молодого индейца Птицу Ночи, не подозревая, что это его собственный сын. Впоследствии полковник, попав в руки Яллы, был скальпирован ею и лишь случайно спасен третьим полком добровольцев Колорадо 29 ноября 1864 года на берегах Занд-Крика, где под штыками разъяренных американцев полегли лучшие вожди пяти племен, участвовавших в великом восстании индейцев против белой расы.

– А какое же отношение имеет к делу Миннегага? – осведомился Бэд Тернер, выслушав печальную и трагическую повесть Джона. – Я что-то смутно припоминаю... Кажется, она была дочерью этой самой тигрицы в образе человека, Яллы. Неужели же Деванделль был и ее отцом?

– Нет, – ответил индейский агент. – Этот ядовитый змееныш рожден Яллою много лет спустя после того, как Деванделль покинул индианку. Ялла ведь вышла замуж за одного вождя племени «воронов». Это Красное Облако. Он, кажется, жив и сейчас.

– Конечно жив, проклятый пьяница! – с гневом отозвался Тернер. – Они с Миннегагою не разлучаются. Так вот, такая история. Я и не подозревал, что в это дело замешано столько личного. А история, признаюсь, презанимательная.

– Будь она проклята, эта история, со всею ее занимательностью! – выругался индейский агент. – Только нас трое, если не считать спасшейся семьи Деванделля и самого полковника, уцелело из всего того отряда, который тогда сопровождал полковника в злополучную экспедицию к Ущелью Могил. Было еще несколько человек, да всех их постигла странная судьба: то пропали без вести в степи странным манером, то убиты индейцами, даже в таких местах, где, казалось, им не грозила ни малейшая опасность. Думаю я, что гибель их – дело рук Миннегаги. Я-то хорошо знаю эту гремучую змею, достойную дочь свирепой Яллы! Еще будучи ребенком, она была кровожаднее и беспощаднее лютой пантеры, а теперь превратилась в настоящее чудовище. Несколько раз и нам с Гарри и Джорджем словно чудом удавалось выкарабкаться из неожиданно обрушившейся на наши головы беды, причем всегда были следы того, что какой-то неведомый враг подстраивал нам эти штуки.

– Миннегага? – спросил Тернер удивленно.

– Больше никому, – кивнул головою Джон.

– Да как же вы рискнули теперь-то забраться в эту область?

– А кто ж его знал, что восстание вспыхнет? – ответил сердито Джон. – Состояния у нас у троих никакого нету. Хоть Деванделль и предлагал нам поселиться в его поместье и дать землю, да какие же скваттеры вышли бы из нас? Мы прирожденные охотники, степные бродяги, и будем бродить по степям до самой смерти. Ну, а тут еще как на грех подвернулся этот полоумный англичанин, подговорил нас отправиться на охоту за бизонами. Конечно, если бы знать, что такая ерунда выйдет... Э! Да что толковать? Конечно, если попадем в руки нашей приятельницы Миннегаги, то пощады нам не будет. Ну да если и этот змееныш нам подвернется, тоже черти в аду порадуются. Я вот этими самыми руками сначала подстрелил мамашу Миннегаги, краснокожую красавицу Яллу, потом разбил ей череп прикладом моего карабина и, как водится, снял ее скальп. Много на своем веку скальпов пришлось мне снять, а никогда ни одну женщину, кроме Яллы, я не скальпировал. Но это была не женщина, а настоящий демон. Миннегага же еще свирепее и злобнее, так что и с нею, если удастся, не поцеремонюсь...

Наступило молчание.

Казалось, тени прошлого носились вокруг погруженных в задумчивость охотников. Внезапно Тернер, словно борющийся с самим собою, заговорил взволнованным голосом:

– Ну ладно! Придется выкладывать начистоту. О Джордже Деванделле вы, Джон, не знаете? Слышали ли вы, что он сделался лейтенантом третьего полка разведчиков?

– Писал он мне об этом из Сан-Луи. А что?

– Часть этого полка входит в состав отряда Честера, и лейтенант Деванделль не так давно был здесь.

– Джордж? Ну, дальше! Говорите же, Бэд!

– Плохо, Джон. Молодой Деванделль с небольшим отрядом разведчиков отправился обследовать горные проходы цепи Ларами и...

– И что же? Да говорите же, не томите!

– И пропал без вести вместе со всеми своими солдатами.

– Господи Боже! – воскликнул, бледнея, индейский агент. – Уж не хотите ли вы сказать, что...

– Я ничего не знаю. Честер послал меня на разведку, узнать, что случилось с Деванделлем. Это еще не все, мой друг. По слухам, лейтенанта провожала какая-то молодая девушка, которая тоже исчезла. Боюсь, что это была его сестра.

Джон, индейский агент, сидел в позе безнадежного уныния, тупо глядя прямо перед собой полными скорби глазами. Казалось, неожиданная весть сломила его силы. Но минуту спустя он вскочил, как безумный, и закричал, потрясая огромными кулаками:

– Так! Сколько раз меня терзала мысль, правы ли мы, янки, истребляя краснокожих, точно это не люди, а звери, шакалы! Ну, и миссионеры много хороших слов наговорили. Люди – братья! Любите друг друга! Если кто-нибудь вам по правой щеке стукнет, вы ему ножа в ребра не суйте, а левую щеку подставьте. И так далее. И становилось мне тогда стыдно, что сам-то я не раз в индейской крови купался. А теперь, черт возьми, я глазом не моргну! Будь я проклят! Если мне скажут, что за одного краснокожего мне десять лет в огне гореть придется, не успокоюсь, покуда не задушу еще несколько красных змей. Знаю, чьих это рук дело! Помни же, Миннегага!

Он упал на дымящуюся еще землю, закрыв лицо руками. Все его могучее огромное тело сотрясало от душивших его рыданий. Остальные сидели вокруг него в скорбном молчании.

Так прошла вся ночь. Под утро охотники покинули свое убежище и пешком тронулись к горам Ларами, намереваясь по лесам, покрывающим предгорья, добраться к Чегватеру, в воды которого впадает Орз.

В этом путешествии прошел целый день.

Под вечер, измученные, голодные и изнуренные жаждою, они добрались, наконец, до пленявших их взоры и манивших тенью и прохладою их усталые тела первых порослей, как вдруг Бэд Тернер испустил предупреждающий крик:

– Берегитесь! Индейцы!

Глава V

Лорд Вильмор

Странная, фантастичная, даже больше – кошмарная сцена происходила в степи: там, где беспомощно металась охваченные паникой бизоны, почти со всех сторон окруженные огненным кольцом степного пожара, там, где воздух был насыщен едкой гарью и по степи носились столбы дыма, два человека, один белый и один красный, выбрав небольшую площадку, разыгрывали по всем правилам искусства партию бокса, осыпая друг друга тяжелыми ударами, то налетая друг на друга, то разбегаясь, то снова сходясь.

Мелькали в воздухе кулаки, глухо раздавались удары, по временам сопровождаемые невольно вырывающимися стонами дерущихся.

Да, это был лорд Вильмор, эксцентричный охотник за бизонами. Но кто же был его соперником?

Вернемся несколько назад.

Лорд Вильмор, заполучив обратно свое драгоценное оружие, занялся с усердием, достойным лучшей участи, истреблением бизонов, благо эти последние, охваченные паникой из-за приближения огненного потока, совершенно не обращали внимания на расстреливавшего их в упор.

В самый разгар охотничьих подвигов лорда Вильмора в непосредственной близости от него словно из-под земли вынырнул типичный индейский всадник, обнаженный до пояса, покрытый таинственными эмблемами. Индеец довольно долго наблюдал за англичанином,

потом, по-видимому, поняв, с кем имеет дело, выждал момент, когда Вильмор разрядил свой карабин, и приблизился к нему со словами:

– Мой белый брат довольно натешился. Пусть он отдаст мне свое ружье и все, что у него есть в карманах.

Несколько удивленный, но ничуть не растерявшийся лорд Вильмор высокомерным тоном посоветовал своему «краснокожему брату» отправиться к дьяволу. Они стали друг перед другом, обмениваясь своеобразными любезностями, причем индеец говорил на чистом английском языке. Переругивание закончилось тем, что лорд Вильмор попытался смять противника натиском и ускакать от места встречи, но краснокожий держался настороже, его томагавк мелькнул в воздухе и ударил коня милорда в бок. Чистокровный конь взвился на дыбы, сбросил с себя всадника и умчался в степь. Лорд вскочил на ноги и бросился на индейца, со смехом глядевшего на эту сцену.

– Я покажу тебе, красный бандит, что такое лондонский бокс! – кричал, задыхаясь от гнева, Вильмор.

– Ладно! А я тебе покажу, как дерутся в Чикаго, – хладнокровно ответил индеец.

– Ты изучал бокс в Чикаго? – удивился лорд. – Но ведь ты индеец?

– Ну, не совсем. Видишь ли, мой добрый белый брат: янки называют меня Сэнди Гук, прибавляя титул «грабителя железных дорог». Но для краснокожих я – Красный Мокасин. Не без выгоды в наше время, оказывается, быть рожденным от белого тигра и красной обезьяны, каковою была моя почтеннейшая мамаша. Но вы, милорд, кажется, обещали дать мне урок бокса?

– В Англии благородные лорды не дерутся с такими, как ты! – возразил Вильмор высокомерно. – А в случае нападения зовут ближайшего полисмена.

– Ну, у нас нравы демократичней, – с явной насмешкой ответил индеец. – Полисменов здесь нет, а я давно-таки не испытывал удовольствия своротить кому-нибудь скулу хорошим ударом и не прочь поразмять кости. Впрочем, может быть, вы трусили, мой высокорожденный белый брат?

Насмешка подействовала: лорд Вильмор, заревев, как раненый бык, ринулся на своего противника, нанося ему удар за ударом. Но он встретил достойного себе врага: индеец, хотя и вынужденный попятиться под градом ударов костлявого кулака Вильмора, тем не менее с большим искусством парировал и, в свою очередь, наносил удары.

Вот ему удалось ударить Вильмора в щеку с такой силой, что лорд едва не опрокинулся навзничь. Щека моментально вздулась, и лорд выплюнул в траву два выбитых зуба.

– Признает ли себя побежденным мой благородный белый брат? – осведомился злорадно Сэнди Гук.

– Глупости! Двумя зубами меньше или больше – разница невелика!

Лорд сполоснул рот глотком виски и снова стал в позицию. Минуту спустя ему удалось нанести противнику страшный удар головою в живот. Индеец, как пораженный громом, покатился на траву, но раньше, чем истекли даваемые по правилам бокса для оправки пять минут, снова стоял на ногах, хотя и нетвердо.

– Гук! – сказал он. – У моего белого брата лоб крепче, чем у бизона.

– У всех Вильморов черепа крепки! – согласился милорд. – Будем продолжать?

– Разумеется! Только я попросил бы поделиться со мною вашей водкой, милорд.

Англичанин рыцарски протянул противнику свою фляжку. Тот одним духом почти осушил ее и отдал со словами:

– Спасибо! В сущности, вы добрый парень, хотя и чужак. Слушайте, какого черта вы здесь?

– Я охочусь на бизонов. Эмоции охотничьей жизни излечивают от сплина.

– Не знаю, что это за штука. Но дело-то в том, что степь горит, и вы здесь изжаритесь, как гусь на вертеле. Бросим эту канитель! Конечно, я не могу отпустить вас, не очистивши ваших карманов. Но я тоже добрый парень: ручаюсь, что я вас не подстрелю, а доставлю в лагерь индейцев целехоньким и невредимым. Вам не представится затруднительным отделаться от бедняков краснокожих небольшим выкупом, и вы будете свободны. Тогда можете опять начать охотиться за бизонами, но, разумеется, в других местах. По рукам, что ли?

– О! Никогда не вхожу ни в какие сделки с жуликами, будут ли они белыми, красными или красно-белыми. Вы, мистер красно-белый бандит, получив удар моей головой в живот, кажется, струсили и не хотите больше драться?

– Я струсил?! – заревел Сэнди Гук. – Плохо же вы знаете единственного сына моей матери. Драться так драться! Начинайте!

И опять замелькали кулаки, опять послышались тяжкие удары.

А степь все больше и больше окутывалась дымом, огненные потоки заливали все большее пространство...

Довольно долго оставалось неясно, кто же победит. Неожиданные соперники оказались равными по силе и искусству, и их страшные удары, ложившиеся неумолимо на тела дерущихся, казалось, могли длиться без конца. Но вот лорд Вильмор, зрение которого несколько ослабло от выедавшего глаза дыма, сделал неверный выпад, оставив открытой свою грудь. Сэнди Гук не преминул воспользоваться благоприятным случаем, его кулак со страшной силой обрушился на левый бок англичанина, который опрокинулся навзничь и лежал с закрытыми глазами. Сэнди Гук вынул из кармана часы, обождал, покуда прошло пять минут.

– Ну, победа моя! – сказал он по прошествии пяти минут. – Парень дерется, право, молодец, и жаль, если я ухлопаю его.

С этими словами степной рыцарь склонился над поверженным в прах врагом и с поразительной ловкостью, свидетельствующей о многолетней практике, очистил карманы своей жертвы.

– Мой лорд, оказывается, жив, только в обмороке, – бормотал Сэнди Гук. – Попробую дотащить его в лагерь индейцев, моих краснокожих братьев. Может быть, этот чудак пригодится им на что-нибудь. Не оставлять же его жариться тут?..

С этими словами метис взвалил казавшееся безжизненным длинное тело англичанина на спину своего мустанга, потом сам вскочил в седло и дал шпоры лошади. И было пора: степь пылала; и только на юге еще оставался незалитый огненным потоком уголок, по направлению к которому и ринулся Сэнди Гук, увозя побежденного врага.

Когда злополучный незадачливый охотник за бизонами очнулся и раскрыл глаза, он с удивлением увидел себя в странной обстановке: кругом не было и следа степного пожара. Воздух был свеж и чист, земля покрыта яркой и сочной зеленью, кругом стояли в живописном беспорядке шатры и палатки типа индейских вигвамов. Возле лежавшего на земле Вильмора находился пожилой индеец с бронзовыми чертами лица и малиновым носом, явно свидетельствующим о пристрастии «краснокожего брата» к продукции водочных заводов белой расы. Тут же находился и Сэнди Гук. Бандит хлопотал о том, чтобы привести в чувство своего противника, и поэтому, раздобыв где-то фляжку тафии – водки, специально сбываемой белыми торговцами индейцам, вливал в рот Вильмору это огненное питье.

Машинально англичанин проглотил несколько глотков ядовитой жидкости, в состав которой входят, как известно, купорос и серная кислота, добавляемые «для крепости». Как ни привычен он был к спиртным напиткам, но и его нутро не выдержало испытания тафией: он поперхнулся, раскашлялся, расчихался.

– Дьяволы! Вы хотите меня отравить! – закричал он.

– Ничего подобного, мой дорогой белый брат, – злорадно ухмыляясь, отозвался Сэнди Гук. – Это, видите ли, в некотором роде ликер, изготавливаемый янки для краснокожих. Правда,

мухи, налижавшись этой штуки,дохнут. Но люди пьют и... и тожедохнут, хотя не всегда. У вас удивительно крепкая натура, милорд, так что вам несколько глотков тафии отнюдь не повредят. Поднимайтесь.

– Где я, мистер бандит?

– У моих краснокожих братьев, милорд. Сейчас я познакомлю вас с одной милой женщиной, которую называют охотницей за скальпами. Приободритесь, оправьтесь. Очень может быть, что ваша оригинальная шевелюра понравится этой мисс.

В словах бандита явно звучала насмешка, но англичанин на это не обратил внимания. Он, казалось, о чем-то думал.

– Кажется, вы свалили меня с ног ударом в грудь, мистер красно-белый жулик? – осведомился он.

– Если быть точным, милорд, мой кулак попал вам ниже левой ключицы. А что?

– Удар был не совсем правильный. Во-первых, дым выедал мне глаза. Во-вторых...

– Что вы этим хотите сказать, милорд?

– А то, что я не признаю победу за вами!

– Вот как? – удивился Сэнди Гук.

– Разумеется. И если вы не струсили, то я не прочь доказать вам это. Мы можем начать хоть сейчас. Дайте только мне хлебнуть еще этого вашего ликера для истребления мух.

И оригинал, выпив несколько глотков ядовитой жидкости, приподнялся на ноги и стал оглядываться вокруг, выискивая удобное для нового боя местечко.

Но возобновить поединок на кулаках не пришлось. Из ближайшей большой палатки вышел какой-то молодой индеец и заявил Сэнди Гуку, что сахем Миннегага ожидает его и его пленника.

– Если любезная и кроткая Миннегага, – сказал Сэнди Гук, обращаясь к англичанину, – не прикажет, милорд, снять с вас шкуру и перерезать вам для краткости горло, – я не прочь доставить вам это удовольствие и показать, что в Чикаго умеют драться не хуже, чем в Лондоне. Но теперь не до того. С Миннегагой не шутят. Идемте к ней, да молитесь вашего Бога, чтобы мы застали эту мисс в добром расположении духа.

Англичанин, насколько мог, привел в порядок свой костюм, очистил от пыли пробковый шлем, обтянутый белым полотном, аккуратно расправил и перевязал заново голубую вуаль, пригладил длинные шелковистые баки и затем последовал за Сэнди Гуком, не высказывая ни малейшего признака смущения или робости, словно отправляясь выпить чашку чаю в приятной компании, устроившей где-то в поле пикник. В его душе жила непоколебимая уверенность, что ему не грозит никакая опасность. Разве он не был сыном Альбиона? Разве Англия не величайшая держава мира? И разве она не умеет защищать своих детей, в каком бы глухом углу земного шара они ни находились?

Лорд Вильмор вошел в палатку женщины-сахема, мстительной и кровожадной Миннегаги, твердыми шагами и с высоко поднятой головой, увидев же Миннегагу, одетую в живописный полумужской костюм воинов сиу, отвесил ей поклон, словно перед ним стояла не индианка, а фрейлина двора ее величества, королевы Англии, императрицы Индии, всемиловитвейшей Виктории.

Станный вид чудака-англичанина заметно удивил Миннегагу, которой до этих пор не приходилось сталкиваться с людьми этого рода. Но в глазах девушки по-прежнему горел злой огонек, выдававший ее ненависть ко всей белой расе.

Наши читатели, расставшиеся с дочерью неукротимой Яллы на берегах Занд-Крика во время знаменитого «кровавого дня» 1864 года, едва ли бы узнали свою старую знакомую, спутницу индейского агента Джона и его товарищей, Гарри и Джорджа, в их путешествиях по прериям в дни первого великого восстания пяти индейских племен – маленькую Миннегагу: за истекшие годы Миннегага удивительно выросла и похорошела, превратившись в краса-

вицу-женщину. Она была так стройна, что любой скульптор пожелал бы иметь ее своей моделью для изображения в мраморе или в бронзе символа молодости, силы, грации, здоровья и красоты. Только несколько красноватый оттенок кожи да что-то в чертах лица выдавало индейское происхождение сахема. Но живописный костюм из оленьей кожи, расшитый разноцветными нитками, удивительно шел девушке, подчеркивая красоту ее юного и стройного тела со стальными мускулами и бархатной кожей. И как-то не бросалось в глаза, что за поясом, обвивавшим мягкими складками стройный стан Миннегаги, красовался целый арсенал разнообразного оружия, а ее мокасины были украшены коллекцией скальпов, в числе которых были скальпы белых женщин и детей, безжалостно убитых этим вампиром в образе красавицы-девушки.

Рядом с Миннегагой, сидевшей около разложенного прямо на полу небольшого костра, наполнявшего шатер едким смолистым дымом, на таком же самом сиденье, то есть попросту на выбеленном лучами солнца прерии огромном черепе бизона, словно не живое существо, а странная фантастическая статуя, сидел теперь неподвижно тот самый краснолицый индеец с малиновым носом, которого мы уже видели, когда Сэнди Гук приводил в чувство лорда Вильмора. Это был родной отец неукротимой Миннегаги, наш старый знакомый, вождь «воронов», лжегамбузино, он же Красное Облако, муж свирепой Яллы, овдовевший в тот памятный день, когда цвет воинов пяти племен и все выдающиеся вожди их, включая и Яллу, легли под штыками американских солдат по берегам Занд-Крика. Истекшие годы не прошли бесследно для Красного Облака: правда, его стан был по-прежнему прям, а мускулы крепки, словно стальные канаты, но в черных, прямых и жестких, лежащихся плоскими прядями волосах уже просвечивали серебристые нити, глаза были мутны, а лицо с грубыми и резкими чертами изрезано сетью глубоких морщин.

Восседая рядом с дочерью, Красное Облако не выпускал изо рта длинного чубука своего неразлучного калюмета, наполняя свои легкие едким дымом «морики», табачного зелья, смоченного водкой. Ко всему окружающему Красное Облако относился с каким-то каменным равнодушием и, казалось, не обратил ни малейшего внимания на появление в палатке лорда Вильмора, фигура которого вызвала известное любопытство Миннегаги.

– Это тот человек, которого ты нашел в прерии? – спросила Миннегага у стоявшего в выжидательной позе метиса. – А где же другие?

– Не знаю, куда они девались, – несколько смущенно ответил Сэнди Гук. – Сама знаешь, сахем, подоженная по твоему приказу степь обратилась в огненный океан, и те люди затерялись в волнах огня. Но этот человек был с ними. Я подумал, что он может тебе пригодиться...

– На что именно? – усмехнулась Миннегага.

– А хотя бы на то, чтобы получить точные сведения об остальных.

– Чего стоят эти сведения? Мне нужны были сами люди. Главным образом этот индейский агент Джон, за которым я бесплодно гоняюсь столько лет. Ведь это тот самый человек, который снял скальп с моей матери.

– И с моей жены, – глухим голосом отозвался из угла старый вождь «воронов».

– Где же индейский агент Джон? – твердила упрямо Миннегага, сверкая глазами. – Где его спутники?

– Да говорю же тебе, я ничего не мог сделать, – пожал плечами Красный Мокасин. – Степь пылала, трапперы затерялись в огне. Вернее всего, они сгорели, и ты можешь быть довольна тем, что избавилась без особого труда от трех врагов.

– Быть довольной тем, что эти люди погибли и я не могла насладиться их муками? Довольствоваться тем, что они сгорели, когда за скальп одного Джона я согласна была бы отдать полжизни?

– Что делать? Говорю, расспроси этого человека, сахем. Он был с трапперами вместе, и может быть, наведет на их след.

– А сам он что представляет собой?

– Англичанин, знатный человек, лорд. Как тебе это объяснить? Ну, скажем так, один из сахемов племени бледнолицых, живущего за Великой Водой.

– Хорошо. Я поговорю с ним. Выйди, но оставайся поблизости от моего вигвама и держи наготове нескольких воинов.

Повинуясь приказанию женщины-сахема, метис направился к выходу из палатки, оставляя в ней приведенного пленника. Но что-то, какое-то странное чувство шевельнулось в душе у этого дикого субъекта.

– Жаль будет, если эта красивая ядовитая змея покончит с моим добрым белым братом, у которого такая крепкая голова и такие здоровые кулаки, – пробормотал Сэнди Гук. – Право, он парень ничего себе. Кроме того, в самом деле, если он уцелеет, можно было бы еще разок-другой устроить бокс. Хотя я его и отдубасил, но он лихо дерется и, кроме того, знает несколько ловких ударов, которые я не прочь бы изучить. Всякое познание – благо, и всякое искусство благородно. Так вбивали в мою голову когда-то в школе. А тут, когда есть возможность кое-чему научиться, вполне вероятно, что с моего учителя без церемонии снимут скальп. Право, жаль его.

И бандит обернулся к Миннегаге со словами:

– Слушай, сахем. Ты не торопись убивать этого человека.

– Почему я должна шадить его? Его скальп будет как раз на месте на моих мокасынах.

– Так-то так. Скальп у него великолепный. Но я и сам бы ведь мог снять скальп с его головы там, в степи. Однако я недаром доставил тебе этого человека живым: один Великий Дух знает, как обернутся наши дела. Я человек осторожный. Всегда люблю назад оглянуться и приготовить себе лазейку на случай неудачи. Говорю же тебе: этот человек, хотя он и кажется полумным, тем не менее великий сахем своего племени. Если нам не повезет, ты всегда можешь отпустить его за большой выкуп.

– На что мне деньги? – презрительно усмехнулась Миннегага.

– Да, у тебя золота много, я знаю. Но представь себе, что в руки янки могут попасть наши братья. Кто гарантирован, что в плену не окажутся даже сахемы? Тогда за свободу одного этого англичанина янки охотно отпустят на свободу десятки простых воинов или парочку вождей. Подумай об этом. Во всяком случае, по моему мнению, живой осел всегда стоит дороже, чем кровный мустанг, с которого содрали шкуру. А впрочем, поступай как знаешь.

И с этими словами хитрый бандит вышел из палатки Миннегаги, которая, казалось, совершенно не слушала его советов в пользу англичанина: она упорно глядела на желтовато-серебристые волосы лорда Вильмора полными мрачного огня глазами, словно изучая, где удобнее будет произвести острым ножом надрез, чтобы сорвать с окровавленной головы злополучного туриста его красивый скальп.

– Кто ты, белый? – обратилась к Вильмору Миннегага. – Ты не янки? Не солдат?

Молодая индианка говорила на ломаном языке, но все же лорд Вильмор понял ее вопрос без труда.

– Я никогда и ничего общего с американцами не имел, – ответил он, отвешивая легкий поклон Миннегаге. – Я англичанин.

– А велика ли та страна, где ты рожден, и где она находится?

Кровь бросилась в лицо гордого британца.

Как? Эта женщина ничего не знает о великой Англии?

О той самой Англии, имя которой с трепетом произносят негры Центральной Африки, дикие индейцы Гранчако, эскимосы, обитатели пещер и дебрей Индостана, похожие на обезьян негритосы пустынь внутренней Австралии, обитатели Огненной Земли, – словом, весь мир...

Он задыхался от негодования, вызванного оскорблением национальному достоинству Великобритании.

Но вздумавшему не вовремя вмешаться в разговор Красному Облаку удалось еще подлить масла в огонь:

– Я знаю англичан, – сказал старый вождь «воронов». – Они живут на север от страны Великих Озер и говорят языком френчменов.

Красное Облако спутал Канаду с Великобританией... Канадцев с чистокровными англичанами! Предполагал, что англичане говорят... по-французски. Этого последнего оскорбления благородный лорд не мог перенести. Ругательства потоком полились из его уст.

– Красная обезьяна! Пьяница из Уайт-Чэпеля! Рогатый осел! Суринамская жаба! Сам ты френчмен и даже еще хуже! Мало тебя колотили в школе. Твой учитель географии и истории – старая резиновая калоша! А ты сам – испанский мул!

– Какая ядовитая муха укусила этого белого идиота? – не выпуская трубки изо рта и не меняя выражения своего лица, осведомился Красное Облако у своей дочери, с любопытством наблюдавшей за беснованиями англичанина.

Лорд Вильмор обратился к Миннегаге со словами:

– Но неужели же, мисс, вам в пансионе не объясняли, что такое Великобритания?

– Я знаю, – ответила Миннегага, – что это страна, в которой живут белые люди, такие же, как и янки, наши враги. Этого с меня довольно.

– Я говорю же вам, мисс, у вас были никуда не годные учительницы! Как?! Они вам не сказали разве, что те самые канадцы, которых вы смешиваете с англичанами, правда, принадлежат к великой белой расе, но являются непримиримыми врагами всех янки.

– Не знаю! Знаю только одно, что белые – враги краснокожих. Для меня каждый белый – хуже ядовитой змеи. Он – враг!

– Но вы невежественны, мисс, как... как ирландская деревенская девчонка. Говорю же я вам...

– Баста! Отвечай только на вопросы, бледнолицый! Зачем ты явился в наши земли?

– Охотиться на бизонов, чтобы избавиться от сплина.

– Что такое сплин?

– Нервная болезнь. Говорят, зависит от нашего туманного климата.

– А климат – тоже болезнь? Понимаю: должно быть, медицинмены твоего племени посоветовали тебе натираться жиром бизонов, чтобы выгнать из твоих костей этот самый климат.

Лорд Вильмор, возмущенно пожал плечами, но промолчал. Он сознавал, что будут бесполезными всякие попытки объяснить разницу между климатом и сплином этой невежественной индейской мисс.

Помолчав мгновение, женщина-сахем приступила к дальнейшему допросу:

– У тебя были спутники. Один из них назывался Джоном, индейским агентом. Куда он девался? Почему они покинули тебя?

– Это бесчестные жулики, трусы, бабы! Я не знаю, где они находятся. Я их нанял для охоты на бизонов, а они, вместо того чтобы помочь мне убивать животных, стали возиться с каким-то подстреленным человеком, который потерял свои волосы.

Мрачная и злобная улыбка показалась на устах Миннегаги. Она выпрямилась и энергичным жестом показала на висевший на стене палатки круглый щит, украшенный свежим, еще окровавленным скальпом.

– Вот скальп этого человека! Это я сорвала волосы с его головы! – вымолвила индианка торжествующим тоном.

– Вот как? – поднял брови «милорд». – Вы очень похожи на азиатскую тигрицу, мисс. Напрасно вы хвалитесь таким мерзким делом. Ни одна английская мисс не позволит себе ничего подобного.

– Я должна отомстить! И я отомщу! Моя мать тоже была скальпирована. И, знаешь ли, белый человек, кем именно? Твоим же братом, бледнолицым, тем самым индейским агентом

Джоном, с которым ты был здесь вместе. Но ты в моих руках, а его нет. Ты должен сказать мне, где я его найду.

– Но я решительно не знаю, куда он девался. Я был занят охотой на бизонов, и мне было не до того, чтобы следить, куда поехали эти негодяи.

– Ты не хочешь сказать мне, где их искать? Ты становишься между моей мстостью и ими? Но я заставлю тебя говорить!

Миннегага, вся охваченная бурным гневом, вскочила на ноги и, казалось, была готова броситься на пленника. Ее глаза блистали, ее рука судорожно хваталась за рукоятку спрятанного за поясом кривого мексиканского ножа.

Как бы ни был хладнокровен англичанин, но его поразило выражение чисто звериной злобы, искажившее прекрасные черты Миннегаги.

– Моя маленькая пантера, – сказал он успокаивающим тоном, – мне не нравится видеть вас такой взволнованной. Вы, старичок с красным носом, кажется, папаша этой девицы? Вы должны успокоить ее нервы.

– Куг! – издал неопределенное восклицание Красное Облако, не меняя своей позы равнодушного наблюдателя.

– Бросьте вашу трубку! Поговорите же с этим маленьким бесенком, который может задохнуться от злости, – апеллировал к отцовскому авторитету англичанин. Но индеец, пожав плечами, продолжал спокойно курить. Миннегага, гнев которой возрастал с каждым мгновением, дрожа всем телом, выкрикивала какие-то проклятия и угрозы прямо в лицо лорду Вильмору.

– Будешь ли ты говорить, бледнолицая собака?! – кричала она.

– Я не привык разговаривать с сумасшедшими.

И мне нечего сказать вам, грубая молодая девица.

– Так я заставлю тебя развязать язык! Твой скальп пригодится для моей коллекции.

– Мой скальп? – нахмурился Вильмор. – Не советую допускать какое-либо насилие над моей персоной. Не забывайте, мисс, что я англичанин и наследственный член палаты лордов. Правительство Великобритании заставит вас дорого заплатить за каждый мой волосок. Предостерегаю вас употреблять насилие в отношении меня.

Резкий свист иккискота – инструмента, сделанного из берцовой человеческой кости, всколыхнул воздух вигвама. Это было призывным сигналом, данным женщиной-сахемом. В одно мгновение вигвам наполнился молодыми воинами сиу под предводительством Сэнди Гука. Лорд Вильмор был сбит с ног, вытасчен из палатки, несмотря на отчаянное сопротивление, с него содрали его одеяние, обнажив его до пояса, и привязали к врытому в землю столбу.

Особенно усердствовавший при этом бандит-метис, которого лорд осыпал всевозможными ругательствами, когда Вильмор был привязан к столбу, принес горшок с красной краской и своеобразную кисточку из птичьих перьев. Этой кисточкой он старательно нарисовал на белой груди Вильмора три концентрических круга, и, кончив свою работу, любовался ею, прищурился глазами.

– Ей-богу, лопни мои глаза, а я лихо умею рисовать! Какая жалость, что мои милые родители воспитали меня бандитом. Конечно, это тоже достойная уважения профессия, но лично я предпочел бы быть, пожалуй, художником, и только ради развлечения изредка кого-нибудь грабить. Мне кажется, что во мне погибает истинный артист по призванию.

И он снова, прищурился глазами, с удовольствием глядел на дело своих рук: на резко выделявшиеся на белой груди пленника кроваво-красные круги.

Глава VI

Столб пыток

Едва метис закончил раскрашивание тела злополучного лорда Вильмора, как из своего вигвама вышла Миннегага, которую сопровождал, не выпуская изо рта калюмета, ее почтенный папаша Красное Облако. Одновременно около столба пыток, к которому был привязан лорд Вильмор, появилось полдюжины старых, неимоверно безобразных и облаченных в пестрые грязные тряпки индианок, при одном взгляде на которых становились понятными средневековые легенды о ведьмах. Они были вооружены факелами из смолистых ветвей и с криками размахивали ими, разбрасывая вокруг искры. Крики их словно послужили сигналом для сбора пятидесяти или шестидесяти воинов, которые, закинув за плечи свои ружья, образовали вокруг столба пыток широкий круг и приготовились начать пресловутый «танец смерти».

Четверо музыкантов, снабженных тамбуринами, расположились около англичанина, присев на корточки, и сейчас же принялись с усердием, достойным лучшей участи, терзать свои инструменты, иногда прерывая монотонный гул тамбуринов заунывными свистками, извлекаемыми из иккискотов.

Шестеро мегер, прорвав хоровод воинов, ринулись к столбу пыток, как будто намереваясь растерзать пленника, но ограничились только тем, что, размахивая над ним неистово факелами, осыпали его огненным дождем искр, потом, в свою очередь, образовали круг и понеслись в дикой пляске, состоявшей из ряда прыжков и сопровождаемой нечеловеческим визгом.

Все это, взятое вместе: топот ног, гул тамбуринов, свистки, визгливые крики – создавало неимоверную какофонию.

Шедшие хороводом воины не отставали от ведьм: они тоже выплясывали с таким усердием, что почва дрожала и гудела, позванивали своеобразными кастаньетами, колокольчиками и бубенчиками и оглашали воздух монотонным криком без перерыва: «Гуг, гуг!»

Женщина-сахем, Миннегага, расположилась несколько в стороне от пляшущих, полулежа на разостланной на земле шкуре бизона. Красное Облако, присев на корточки и напоминающая этой позой костлявого и свирепого гризли, серого медведя Скалистых гор, по-прежнему отравлял воздух едким дымом смоченного водкой табака.

Покуда вокруг столба пыток разыгрывались эти сцены, охранявшие покой лагеря часовые, сидя на спинах неподвижных мустангов, наблюдали за окрестностями лагеря, уделяя особое внимание еще дымящейся после пронесшегося ураганом пожара степи.

Странный и нелепый танец продолжался около получаса. Затем последовала перемена декораций: появился совершенно нагой индеец, который принялся выделывать прямо-таки фантастические пируэты, потом закружился волчком и, испустив пронзительный крик, растянулся во весь рост на земле, словно пораженный громом. На самом деле эта фигура должна была изображать смерть человека, телом которого овладел Мабойя – злой дух индейской мифологии. Едва комедиант упал, как кружившиеся у столба пыток воины с гиканьем рассыпались, а ведьмы вновь схватили свои факелы и замахали ими над головой злополучного пленника.

Они то наскакивали на лорда Вильмора вплотную, словно желая выжечь ему глаза или спалить длинные баки, то снова с визгом отскакивали от него. Искры, падая дождем на обнаженный торс англичанина, причиняли ему мелкие, но болезненные ожоги, заставлявшие несчастного извиваться всем телом и орать благим матом.

Ругательный лексикон лорда Вильмора оказался настолько обширным, что познаниям аристократа позавидовал бы любой лондонский извозчик, но, к сожалению, из всех присутствующих красоту выражений Вильмора мог оценить только один метис, понимавший английский язык, но неистовый крик и особенно гримасы англичанина, грозившего ведьмам ужасными наказаниями от имени Великобритании, были понятны как индианкам, так и воинам – и

те и другие буквально катались по земле, задыхаясь от смеха. А этот смех еще больше выводил из себя злополучного охотника за бизонами.

Эта варварская игра, однако, длилась лишь короткое время: возможно, истязая Вильмора, индейцы опасались зайти слишком далеко и сжечь роскошную золотисто-рыжую шевелюру, которая обещала дать редкий по красоте скальп.

Шесть ведьм, утомленные до потери дыхания, наконец прекратили свое издевательство над Вильмором, но, покидая его, каждая из них по очереди ткнула пылающим факелом в и без того покрытое ожогами тело англичанина. Тогда на сцену выступил метис Сэнди Гук, или Красный Мокасин. Он приблизился к неистово ругающемуся лорду и поднес к его губам фляжку с отвратительным джином, от которого за версту пахло серной кислотой, говоря:

– Ну-ка, глотните, ваша светлость! Откройте пошире пасть и валяйте, сколько влезет. Напиточек хоть куда! Подкрепитесь, чтобы достойно выдержать второе испытание.

– Как, разбойники? Неужели вы не кончили терзать меня? – стонал лорд.

– Что вы! Комедия только еще начинается.

– Убийцы!

– Эй, эй! Вы неважно ведете себя, милорд! – издевался Сэнди Гук. – Такой храбрый охотник за бизонами, а держит себя перед благородным обществом словно школьник. Плохое представление о выносливости подданных королевы Виктории вынесут мои краснокожие земляки, судя по вашему примеру. На вашем месте любой индейский воин пел бы во все горло какую-нибудь песню битвы, хвастаясь тем, сколько врагов он зарезал, сколько скальпов снял. И такой индеец дал бы сжечь себя живым и скальпировать, не моргнув глазом. А вы хнычете, как младенец.

– Но я не индейская собака!

– Ну разумеется! Вы более, чем какой-либо грубый краснокожий дикарь. Вы ведь – человек белой расы... Ну же, валяйте! Пейте джин и начинайте петь! Предположим, вы споете нам «Боже, храни королеву». Я давно не слышал, как поют «Правь, Британия, морями!». Голос у вас есть, вот насчет слуха – не знаю. Ну, да тут нет строгих критиков...

– Чтоб ты сдох, негодяй! Чтоб вы все провалились сквозь землю!

– Да пейте вы джин! Неужто не хотите?

– Не хочу, разбойник!

Сэнди Гук пожал плечами и отошел в сторону со словами:

– Экий упрямец. Ну да ладно. Джин я сберегу. Вы еще запросите его, когда неумоготу станет.

Едва прекратились эти переговоры, как на сцене появились шесть индейских воинов, вооруженных луками и тонкими стрелами. Они расположились в сорока или пятидесяти метрах от столба пыток, опустившись один возле другого рядом на левое колено.

Эти звери в образе человека, давно уже изменившие луку, неразлучному оружию их предков, в пользу винчестеров и кольтов, собирались сегодня вспомнить старое искусство и показать, что и они умеют метать стрелы.

Они не собирались, конечно, убить англичанина своими стрелами, поэтому предусмотрительно заменили стальные наконечники колючками какого-то кустарника. Таким образом, стрелы могли причинять лишь более или менее глубокие уколы, но отнюдь не смертельные раны.

Наблюдать за этой варварской стрельбой в живую цель собралась большая толпа воинов, заседавших на корточках и оживленно болтавших. Присутствовал тут же Красное Облако, который по-прежнему казался углубленным в раскуривание вечно дымящегося калюмета. Лежавшая рядом с ним на шкуре бизона Миннегага равнодушно ела какие-то фрукты, лишь время от времени недобрыми глазами поглядывая на привязанного к столбу пыток белого.

Видя угрожающие приготовления стрелков из лука, лорд Вильмор бесновался и кричал диким голосом, но это доставляло только удовольствие кровожадным дикарям.

Вот послышался характерный свист летящей стрелы, и следом за ним яростный вопль англичанина: стрела угодила в его грудь, почти в самый центр начертанных метисом кругов, и впилась в мускулы, нанеся пустую, совершенно не опасную, но, конечно, болезненную рану.

– Негодяи! Звери! Янки правы, истребляя вас, как гадюк! Да сгиньте вы все до последнего человека! – кричал Вильмор, содрогаясь всем телом.

Снова свист, снова яростный вопль боли – новая стрела впивается в тело несчастного. И снова, и снова...

Казалось, этой пытке не будет конца, но неожиданно Миннегага подала знак, и стрельба прекратилась. Сэнди Гук с неизменной фляжкой джина приблизился к англичанину. Тот встретил его неистовыми ругательствами и проклятиями. Метис хладнокровно выждал, пока у англичанина не перехватило дух, и тогда сказал:

– Послушайте, милорд. Клянусь моей честью – пусть это будет честь бандита, – что я вовсе не желаю вам зла. Я сделаю все, что от меня зависит, лишь бы спасти вас от смерти. Ей-богу, вы ничего себе парень, и как-никак, в сущности, в моих жилах гораздо больше крови белой расы, чем индейской. Я чувствую себя солидарным с вами.

– Чего хочешь ты, разбойник, от меня?!

– Не упрямяться и расскажите Миннегаге, куда девался ваш конвой. Индианка рвет и мечет, потому что от нее ускользнул ее злейший враг, индейский агент, Джон, за голову которого она заплатила бы на вес золота.

– Но я не знаю ничего!

– Ой, говорю вам, не упрямяться! Seriously. Вы думаете, что вы уже подверглись пытке? Но это грубая ошибка. На самом деле то, что вы испытали, это только цветочки. А ягодки будут еще впереди. В вас постреляют еще с четверть часика, потом примутся загонять под ваши ногти заостренные кусочки дерева. Вытерпите вы это – индейцы обвяжут каждый ваш палец в отдельности насыщенным серой трупом и потом подожгут его. Кончится это, вас разложат на земле и на вашей груди разведут костер. Я не знаю, собственно говоря, чем это поджаривание закончится. Но, во всяком случае, если вы и выживете, то дышать вам придется уже не легкими, которые будут совершенно испорчены, а жабрами.

– А еще что придумаете вы для моего мучения, звери?

– О, после этого сама Миннегага займется приведением в порядок вашей прически. Из нее вышел бы прекрасный парикмахер, как из меня – настоящий художник. Конечно, работать она будет не с ножницами. То есть, милорд, Миннегага в мгновение ока избавит вас навсегда от забот о прическе, содрав ваш скаल्प. Уверяю вас, она большая мастерица по этой части и притом большая любительница скальпировать именно белых. Что делать? Каждый развлекается, как умеет. Вы любите охотиться за бизонами, я когда-то не без успеха очищал карманы неосторожных путешественников. И вы, и я, мы оба – любители бокса. А маленькая индианка всему на свете предпочитает пополнять свою коллекцию скальпов новыми экземплярами... Я от одного миссионера слышал, как язычники, должно быть, из итальянцев, истязали Иисуса. Но вам придется вытерпеть еще больше. Не будьте же упрямым, развязывайте язык, покуда еще не поздно. Тем более, говоря между нами, это пустой каприз женщины. Если вы и скажете, куда направились трапперы, то этим вы им ничуть не повредите: с того времени, как они вас покинули, прошло немало часов, беглецы давно могли затеряться в беспредельном просторе прерии и, конечно, десять раз успели изменить направление, потому что в степи бушевал пожар, изгладивший все их следы. Сомневаюсь, чтобы они уцелели в этом пекле. Им вы не поможете, а отказом сказать пару слов ставите на карту собственную жизнь, которая и без того висит на волоске.

– Я буду говорить! – сдался англичанин.

– Так бы давно! Умные речи приятно и слушать! Итак, где вы расстались с вашими прожатыми?

– В прерии, почти на том самом месте, на котором мы встретились потом с вами, бандит.

– Ладно! А куда они направились после?

– Я видел, что они шли к северу.

– Значит, направлялись к горам Ларами? Хорошо! Но скажите еще: степь в это время уже горела?

– Мне кажется, пожар был уже близок.

– Ну, вот и все, что нам нужно было знать! Ей-богу, не стоило вам упрямитесь столько времени. Сказали бы раньше, и не было бы таких неприятностей. Эх, милорд! И какого черта вас понесло сюда? Денег у вас, вероятно, куры не клюют. Страна ваша, говорят, очень богатый край. Жили бы вы себе там и не испытывали бы таких треволнений. Но подождите: покуда что я попытаюсь несколько облегчить ваши страдания. Думаю, теперь Миннегага оставит вас в покое, да ей будет не до вас: отправится в горы отыскивать индейского агента Джона. Тем временем, может быть, мне удастся устроить для вас что-нибудь.

С этими словами метис ловко вытащил воткнувшиеся в тело англичанина стрелы, смыл запекшуюся на груди его кровь, смазал ожоги и раны медвежьим жиром и заставил-таки лорда Вильмора выпить несколько глотков жгучей алкогольной жидкости, потом махнул рукой державшим наготове свои стрелы воинам, чтобы те прекратили упражнение в стрельбе по живой цели, и направился к Миннегаге с докладом о результатах переговоров.

Минуту спустя на площадке возле столба пыток уже не было никого из индейцев, потому что, получив какие-то приказания Миннегаги, они разошлись по палаткам, явно собираясь в экспедицию.

Сэнди Гук вернулся к лорду Вильмору и стал освобождать его от привязывавшей к столбу веревки.

– Слушайте, милорд! – сказал он вполголоса. – Я не очень-то верю вашим указаниям. Может быть, вы соврали? Это не важно. Но важно одно: если Миннегага сама примется передпрашивать вас, то вы уж стойте на своем, не сбивайтесь. Твердите одно: трапперы направились к горам Ларами. Если Миннегага погонится за ними в том направлении, мне легче будет дать вам удрать отсюда.

– Вы устроите для меня возможность бежать?! – изумился англичанин.

– Разумеется! Все-таки вы – белый. И притом, говоря откровенно, что я выгадаю, если с вас живо сдерут шкуру? Нет, я не люблю таких фокусов.

– Вы поступите благородно! Если я спасусь, я похлопочу, и английское правительство вознаградит вас, выдав вам медаль за спасение погибающих, с дипломом.

– Медаль? Диплом? Нет, я, знаете ли, человек скромный. Право, мне совестно будет носить такую медаль. Между нами, я удовольствуюсь гораздо меньшим. Например, ваши золотые часы я, конечно, возьму себе на память о приятном знакомстве с вами.

– Но это грабеж!

– Что вы, милорд! Просто мне хочется почаще вспоминать вас. Выну часы, посмотрю на них и вспомню о нашем знакомстве. А чтобы не соблазниться и не пропить их скоро, я, конечно, хоть известное время буду перебиваться тем золотом, которое я выгреб из ваших карманов.

– Вор всегда останется вором!

– Зачем бросать хорошие привычки, милорд? – засмеялся бандит, похлопывая фамильярно по плечу англичанина. – Вот вы лично, думаю, ни за что не откажетесь ежемесячно взysкивать с ваших арендаторов арендные суммы, хотя это золото заработано ими, а не вами. Почему же мне быть умереннее вас и отказаться от возможности ограбить вас, как вы грабите своих арендаторов? Потом, я, знаете ли, нашел в вашем кармане такую хорошую чеко-

вую книжку! Вы такой любезный человек, а я, признаться, давно уж думал заняться собиранием автографов выдающихся современников. Надеюсь, вы не откажете мне в удовольствии – дадите посмотреть, как вы подписываете чеки. Уверю вас, я немедленно отправлю их на сохранение в банк.

– Разбойник! Бандит!

– Э, милорд! Что будешь делать? Я и то оплакиваю мою участь: глубоко убежден, что из меня вышел бы прекрасный пейзажист или портретист. А если бы я унаследовал от моих родителей парочку миллионов, подобно вам, то ни в коем случае не занимался бы разбойничеством: приятного в этом занятии, скажу по совести, мало. Куда лучше, повторяю, подобно вам, понемногу обсасывать своих арендаторов. Но будет болтать! Пора собираться в путь.

В самом деле, отряд индейцев с поразительной быстротой снял складные вигвамы, навьючил весь багаж на мустангов и готовился уже тронуться в экспедицию.

Сэнди Гук привел двух лошадей и усадил на одну из них лорда Вильмора, который остался со связанными за спиной руками. Сам метис уселся на другого коня и поехал рядом с пленником, держа в руках великолепный винчестер.

Отрядом предводительствовала Миннегага, ехавшая на великолепном снежно-белом мустанге, закутавшись в роскошно расшитый плащ. Рядом с нею скакал, не выпуская изо рта неразлучного калюмета, ее молчаливый отец.

Отряд несся по степи, почва которой была покрыта толстым слоем золы от сгоревшей травы. Воздух был насыщен гарью, и временами из-под ног лошадей вокруг вылетали искры тлеющего, но уже бессильного огня.

Индейцы направлялись к горам Ларамии.

Было приблизительно около восьми часов утра, когда отряд достиг того места, где груды лежали на земле сожженные тела погибших во время пожара бизонов.

Здесь Миннегага распорядилась устроить привал. Воины бросились на приготовленное пожаром лакомое блюдо: жареные горбы и языки бизонов.

Насытившись и отдохнув, индейцы снова тронулись в путь к горам Ларамии, идя именно в том направлении, куда несколько часов тому назад ушли беглецы: лорд Вильмор, сам того не зная, указал верный след...

Глава VII Лес гигантов

Племя индейцев сиу и в наши дни, когда прекратились кровавые войны белой и красной рас, остается самым многочисленным, самым могущественным и неукротимым из племен, населяющих Соединенные Штаты Северной Америки. В те же дни, к которым относится наш рассказ, то есть в семидесятых годах девятнадцатого века, это племя являлось самым воинственным и опасным для американского владычества. Несмотря на шедшее полтора или два века истребление индейцев пионерами белой расы, сиу, сильно уменьшившиеся в числе, загнанные в дебри и недоступные чащобы в горах, все же никогда не были окончательно покорены.

Трудно сказать, что, собственно, означает данное этим индейцам имя «сиу»: на их собственном языке этого слова нет, и они называют себя «дакота», что означает «объединенные».

В состав дакота в свое время входил добрый десяток разных племен, в том числе чэй-энов, «сожженных», «янки», «понканс»... Большинство этих отдельных племен или слилось с другими, потеряв все особенности языка и обычаев, или попросту вымерло, подвергаясь беспощадному истреблению со стороны бледнолицых.

Любопытно, что, по мнению некоторых американских исследователей, имя «сиу» обозначает обидное прозвище, данное индейцам в дни, когда в прерии проник злейший враг крас-

нокожих – торговец спиртными напитками и привез сюда яд под видом ликеров, рома, джина и виски.

Предавшиеся пагубной страсти к пьянству племена были презрительно окрещены именем «сиу», что будто бы означает на каком-то индейском наречии «пьющие огненную воду», или попросту пьяницы.

Так или иначе, но в истории борьбы двух столкнувшихся в Америке рас, белой и красной, индейцам племени сиу, или дакота, всегда принадлежала выдающаяся роль. Это племя, или, лучше сказать, этот конгломерат племени оказывал американцам поистине отчаянное сопротивление, препятствуя заселению прерий не только с запада, но еще больше с востока. Около полувека тому назад сиу насчитывало около тридцати тысяч человек, причем эта горсточка людей обладала колоссальным пространством девственных богатейших земель, равным Англии, Франции и Германии, взятым вместе.

Дакота с незапамятных веков была в смертной вражде с канадским племенем гуронов и чипевайев. Между краснокожими шла непрерывная война, сопровождавшаяся взаимным истреблением, иногда принимавшим характер настоящих побоищ, при которых, разумеется, не щадились ни женщины, ни дети. Но стоило враждующим племенам, сошедшим почти на нет, прекратить войну, и через двадцать лет племя дакота размножилось настолько, что насчитывало уже около пятидесяти тысяч человек.

Именно в этот-то период, в 1854 году, дакота, осознавшие свое усиление и притом оправившиеся на союзных с ними команчей и арапахов, вырыли топор крови и объявили священную войну белой расе, пионеры которой, привлеченные рассказами о богатствах Калифорнии, двинулись на прерию, прокладывая по степи дорогу на Дальний Запад.

Нельзя не признаться, что индейцы защищали правое дело, – белые оседали на их исконных землях и распахивали степи, обращая их в пажити, где не было уже места для кочевника-индейца. Мало того, в прерию хлынул поток белых охотников, занявшихся массовым и беспощадным истреблением гигантских стад бизонов. Но для индейца именно бизон представлял чуть ли не единственный жизненный ресурс, потому что из поколения в поколение краснокожие сами существовали только охотой на бизонов. Истребление бизонов обрекало на гибель индейцев, и они решились на борьбу не на жизнь, а на смерть.

Индейцы – по крайней мере их наиболее развитые и опытные вожди – отлично понимали, что в лице янки они имеют смертельных и опасных врагов. Не обманывались индейцы и в оценке сил врага: они знали, что янки будут все прибывать в степи, что они храбры и жестоки, что они никому не будут давать пощады.

И в самом деле, история борьбы белых с краснокожими полна кровавых эпизодов, полна столкновений, во время которых трудно было решить, кто из двух соперников, белый или краснокожий, способен на большие зверства.

Так, белые смотрели на индейцев как на диких зверей, буквально охотились на них, истребляя всех подвернувшихся под руку, и даже тогда, когда правительство штатов заключило мир с вождями индейцев, белые трапперы и скваттеры не прекращали истреблять краснокожих, не щадя ни женщин, ни детей.

Посланному правительством Соединенных Штатов генералу Гарней удалось нанести жесточайший удар индейцам сиу, и на время племя притихло, но в 1863 году поднялось снова, вступив в союз с чэйэнами и арапахами. Восстание 1863 года, некоторые эпизоды которого нами рассказаны в романе «На Диком Западе», притихло несколько после знаменитой кровавой бойни, устроенной полковником Чивингтоном, командиром третьего полка волонтеров Колорадо, но вслед за тем ужасная борьба вспыхнула с новой силой, потому что индейцы мстили за погибших на берегах Занд-Крика женщин и детей. «Великая война» закончилась в октябре 1867 года подписанием мирного договора в Канзасе, но на самом деле мир не наступил, потому что не была устранена вызывавшая борьбу причина, то есть заселение прерии

белыми пионерами. В 1873 году снова произошел взрыв: индейцами руководил один из величайших вождей, известный под именем Сидящий Бык.

Память об этом краснокожем сохраняется и в наши дни, когда борьба за обладание прериями уже отошла в область преданий, но о главном герое кровавых битв, Сидящем Быке, рассказывают до сих пор массу легенд, рисующих его неукротимым врагом белой расы. Его биография очень интересна: так, мальчиком десяти лет он уже был знаменитым охотником за бизонами, а в четырнадцать лет, будучи оскорблен каким-то белым траппером, он убил его на поединке и оскальпировал. С тех пор у белых не было более беспощадного врага...

В 1877 году Сидящий Бык был признан сахемом всех индейцев племени дакота. Миннегага, дочь погибшей под штыками солдат Чивингтона Яллы – первого сахема-женщины племени сиу, при вести о начале восстания примкнула к воинам Сидящего Быка, приведя с собою признавших ее сахемом индейцев племени матери – сиу и отчасти племени отца – «воронов». Ее предчувствие говорило ей, что она встретится с теми, кто некогда погубил ее мать, и, как мы видим, инстинкт мстительной индианки не обманул ее: судьбе было угодно, чтобы индейский агент Джон, убивший и оскальпировавший Яллу, оказался в прерии именно в тот момент, когда по степи уже рыскали разведчики индейцев...

– Индейцы! Берегите ваши скальпы! – воскликнул шериф из Гольд-Сити, знаменитый Бэд Тернер, едва четыре беглеца, словно чудом спасшиеся от океана огня, добрались до первых порослей в предгорьях Ларамии. Джон, Гарри и Джордж, услышав предостерегающий возглас шерифа, моментально скрылись за гигантским сосновым стволом, схватившись за неразлучные ружья.

Оглянувшись на покинутую прерию, Джон не заметил ничего.

– Где ты видишь их? – спросил он у шерифа.

– Э, далеко еще! Они еще не добрались до предгорья, идут по сожженной прерии, так что, по крайней мере в данный момент, нам не грозит никакая опасность. Слава богу, в этом лесу гигантских пиний, каких не найдешь и в Сьерра-Неваде, нам будет, должно быть, легко найти убежище – потому что на открытую схватку с краснокожими отваживаться было бы чистым безумием: вон их сколько! Видишь, Джон?

Проклятие сорвалось с уст индейского агента: да, он видел, и то, что видел он, не было успокоительным. Его зоркий глаз ясно различал теперь вдали отряд индейцев, впереди которых на белом коне вихрем неслась женщина в белом же плаще.

– Миннегага! – воскликнул глухим голосом Джон. – Она надела плащ своей матери, Яллы.

– Ага! Так, значит, за нами гонится знаменитая индейская охотница за скальпами? – промолвил шериф, не выказывая особого волнения. – Признаюсь, я ничего не имел бы против встречи с этой женщиной с глазу на глаз с револьвером или ножом в руке. Но встречаться с ее свитой, в которой не меньше шестидесяти человек, – благодарю покорно. А вся эта компания будет здесь не больше как через полчаса. Смотрите, Джон. Приготовьте ваш скальп в подарок прекрасной краснокожей охотнице.

– Ох, не шутите так, Тернер! – отозвался Джон. – Мне и без того уже чудится, что нож этой проклятой тигрицы прикасается к моей коже.

– Не знал я, Джон, что вы так чувствительны! Но не падайте духом. Говорю же вам, раньше получаса они сюда не могут добраться, а мало ли что может случиться за полчаса? Горы Ларамии богаты пропастями и пещерами; если мы припустим, то, надеюсь, успеем найти какое-нибудь убежище. Что вы думаете на этот счет, трапперы?

– Я, собственно, предпочел бы быть за сто верст отсюда. А уж если нельзя, то хоть бы быть вместе с волонтерами генерала Честера, – пробормотал, почесывая затылок, Джордж.

– Фьюить! – присвистнул шериф. – У тебя губа не дура, парень! Но только генерал с его волонтерами так далеко отсюда, что думать о нем совершенно бесполезно. Нам придется

выкручиваться собственными силами, не питая надежды на помощь со стороны. Ну, ребята, берите ноги в руки и валяйте во все лопатки!

Трапперы не заставили себя упрашивать долго: каждый из них отлично сознавал, что единственной надеждой на спасение оставалось быстрое бегство. Проходя по степи, покрытой, словно снегом, слоем свежего пепла, беглецы, несомненно, оставили многочисленные следы, и было бы чудом, если бы индейцы, эти несравненные следопыты и разведчики, не открыли до сих пор того направления, по которому ушли из прерии трапперы.

Теперь надлежало отыскать какой-нибудь ручей, чтобы, пройдя по его руслу, сбить индейцев со следу.

По мере того как беглецы поднимались на предгорье, лес становился все более роскошным. Шериф был прав, говоря, что в этом лесу найдутся деревья такой гигантской величины, которым позавидуют и прославленные на весь мир гиганты южной Калифорнии.

Знаменитые баобабы Центральной Африки, единственные в мире по толщине стволов и колоссальному количеству ветвей, и те резко проиграли бы в сравнении с пиниями Ларами: баобабы низки, приземисты, в то время как пинии отличаются удивительной стройностью и напоминают уносящие в поднебесье свои шпили огромные и вместе с тем поразительно стройные башни.

Сколько лет насчитывает такой лесной великан?

По обрубкам некоторых сваленных алчным и беспощадным человеком лесных гигантов можно определить безошибочно, что по крайней мере многие из них достигли весьма почтенного возраста в две, три и пять тысяч лет. Американские ботаники уверяют, что в горах Ларами имеются деревья, родившиеся более восьми тысяч лет тому назад. И на них нет ни малейшего следа дряхлости и усталости. Они растут, зеленея в своих родимых горах, и проживут еще, может быть, много тысяч лет, если их не погубит лесной пожар или, что гораздо вероятнее, топор алчного промышленника. В Сьерра-Неваде среди многих десятков этих великанов, видевших, может быть, зарождение человечества, особенной популярностью пользуются четыре дерева: «Гигантский Гризли», «Генерал Шерман», «Старый Мафусаил» и «Колумбия». Любое из этих деревьев превышает сто двадцать метров, а их стволы в обхвате дают от тридцати восьми до сорока метров. Каковы ветви этих колоссов, можно судить по примеру «Гризли», первая ветка которого, находясь на высоте сорока метров от земли, имеет в окружности около семи метров.

Чтобы дать понятие о величине этих лесных гигантов, достаточно сказать, что сквозь прорезанную в стволе одного из них дыру пролегает почтовая дорога и самые громоздкие экипажи свободно проходят по этому единственному в мире туннелю. Под корнями некоторых из этих величественных деревьев вырыты настоящие пещеры, в которых эксцентричные янки задают свои банкеты. На одной из всемирных выставок красовался обрубок пинии такой величины, что на нем могло танцевать одновременно двадцать пар. Однажды миллиардер Астор, прославившийся своими причудами, устроил парадный обед на сто персон за столом, представлявшим собою не что иное, как пень гигантского дерева.

Наши беглецы находились в данный момент в таком именно, состоящем из могучих гигантов лесу. Но, гонимые опасением попасть в руки беспощадной охотницы за скальпами Миннегаги и ее воинов, они, разумеется, не имели времени восхищаться красотами природы, а торопились разыскать где-нибудь хотя бы нору, способную укрыть их от взоров преследующих индейцев.

Не обращая ни малейшего внимания на поминутно встречавшиеся по пути поистине великолепные экземпляры пиний, трапперы искали какого-либо ручья или потока, забываясь только об одном: как бы скрыть свои следы от преследователей. Им посчастливилось, и довольно скоро они оказались на краю значительного каньона, на дне которого с бешеной скоростью мчался горный поток, убирая белым образывавшие его ложе осколки скал.

– Ну, слава богу, добрались-таки! – воскликнул Тернер, вздыхая с облегчением. – Авось нам удастся теперь замести свои следы. Как вы думаете, Джон, далеко ли еще индейцы?

– Думаю, довольно далеко. Они ведь верхом на лошадях. По степи мустанги, конечно, шли с большой быстротой, но степная лошадь в горах никуда не годится. А покинуть лошадей индейцы едва ли решатся. В общем, думаю, в нашем распоряжении не меньше часа, – ответил индейский агент.

Беглецы торопливо спустились в каньон и вступили в поток, воды которого, хотя и мчавшиеся с шумом, к счастью, не были глубоки, так что продвигаться по дну потока можно было без особых затруднений.

Будь это в другое время, то есть не опасайся охотники попасть в руки индейцев, они не преминули бы воспользоваться случаем и вознаградить себя за усталость маленьким пиршеством: воды горного потока буквально кишели мелкой и крупной рыбой, которая напоминала форель. Но беглецам было не до рыбы: поднявшись приблизительно в течение получаса вверх по ручью, они добрались до места, где берег делал выступ, и поднялись снова на скалы, покрытые густой растительностью и гигантскими секвойями. Немного передохнув, они уже собирались снова тронуться в путь, как вдруг Джон, которому, как опытному страннику по лесам, Бэд Тернер передал командование отрядом, неожиданно наклонился, разглядывая какой-то след.

– Ах, дьявол! – бормотал он.

– Что вы там отыскиали, Джон? – осведомился Тернер, хватаясь за ружье.

– Здесь очень недавно прошел гризли.

– Пожелаем ему счастливого пути.

– Не торопитесь, шериф. Смеяться нечему. С этими зверюгами не до шуток. С ними при помощи одних ножей не справишься: наткнись мы на гризли, нам пришлось бы отстреливаться, а это предало бы нас в руки индейцев. Но нечего делать, надо идти вперед. Будем надеяться, «отшельник в серой шубе» уже отыскал где-нибудь вблизи достаточный запас фруктов или ягод, которыми он любит лакомиться, и отправился восвояси.

Беглецы стали продвигаться, стараясь делать как можно меньше шума, чтобы не привлечь к себе внимания неукротимого и свирепого медведя Скалистых гор, встречи с которым приходилось опасаться не менее, чем встречи с индейцами.

Сделав несколько сот шагов, они остановились перед колоссальным стволом горной сосны, имевшим в обхвате не менее сорока метров. Дерево это, казавшееся гигантом даже среди других колоссальных деревьев, по-видимому, обладало огромным дуплом. По крайней мере, охотники видели почти квадратное отверстие в ближней части ствола, явно вырубленное топором, а неподалеку от ствола на земле валялся большой кусок древесной коры, очевидно, предназначенный служить съемной дверью для оригинальной пещеры в сердцевине гигантского дерева.

– Ну, нам везет на славу! – воскликнул Тернер весело. – Лучшего убежища и нарочно не придумаешь. Желал бы я знать, кого мы должны благодарить за устройство этой беседки?

– Должно быть, здесь обитал какой-нибудь бандит, – высказал предположение Джон. – Их ведь было немало здесь, когда золотоискатели несколько лет тому назад разрабатывали прииск в горах Ларами. А может быть и то, что здесь обитала какая-нибудь любящая уединение индейская семья. Но мы сейчас узнаем все по тем предметам, которые найдем внутри, если...

Индейский агент, который намеревался без церемоний полезть в дупло, неожиданно отскочил назад и направил на отверстие дуло своего карабина. Инстинктивно подражая ему, остальные охотники сделали то же самое.

– Что ты там увидел, Джон? – осведомился траппер Гарри.

– А ты ослеп, что ли? – вполголоса ворчливо отозвался Джон. – Разве не видишь явный отпечаток когтей гризли, который шел именно к дуплу. Может быть, он сейчас сидит там, заняв место бандитов или индейцев.

– Вполне возможно! – отозвался Тернер. – Самый капризный серый медведь едва ли нашел бы для себя лучше убежище. Но нам надо посмотреть как следует, действительно ли он там, а если это и так, то ничего не поделаешь: не отказываться же нам от спасения только из-за того, что гризли любит пожить с комфортом. Попросим его перевезти мебель на другую квартиру.

– Да ведь придется стрелять. Индейцы услышат.

– Известный риск, конечно, есть. Но лишь бы прогнать медведя. Тогда мы закроем дупло валяющейся дверью из коры, и вряд ли индейцы легко откроют наше убежище. Что, ребята, готовы ли ваши ружья?

– Разумеется! – в один голос ответили Джордж и Гарри.

Но Джон все еще осматривался вокруг недоверчиво, и его спутники отлично понимали, что старый опытный охотник, прославившийся своей храбростью, имеет особые причины для беспокойства. Вряд ли дело касалось только возможности схватки с медведем: как ни свиреп и крепок грозный медведь Скалистых гор, едва ли Джон побоялся бы стычки с ним, тем более что на помощь ему не замедлили бы прийти остальные товарищи, сами бывшие отличными стрелками.

– Чего вы ищите там вверху? – осведомился Тернер.

– Думается мне, – ответил индейский агент, – что хозяин той квартиры, которую мы хотим захватить, сидит не в дупле, а, скорее, где-нибудь на ветвях этого или другого дерева.

– Тем лучше! Легче будет завладеть его берлогой, – весело откликнулся Гарри.

– Попробуем, по крайней мере, – закончил совещание Джон. – Тащите вы, Гарри и Джордж, этот кусок коры, заменяющий дверь. Попытаемся узнать, подходит ли он к отверстию. А мы с вами, Тернер, пойдем вперед. Не зевайте, ребята!

С этими словами траппер шаг за шагом стал продвигаться снова к дереву, покуда не остановился у самого дупла.

– Берлога абсолютно свободна! Старый когтистый Джонатан где-то в другом месте, – сказал индейский агент, – и мы можем сейчас же занять его квартиру. А когда он вернется, мы ему скажем, что он запоздал, и, если хочет, пусть хоть повесится с досады. У кого, ребята, есть еще в запасе лучина? У тебя, Джордж? Ну, так зажигай! Вступаем во владение нашим дворцом!

Глава VIII Медвежья берлога

В древесине колоссального, очевидно, насчитывающего многие тысячи лет, дерева имелась форменная пещера, настолько обширная, что при нужде в ней свободно разместилось бы добрых две дюжины людей. Стенки оказались закрытыми наплывами и лишаями. Потолка или свода при слабом свете лучины не было видно.

Надежда найти там, внутри, какие-либо предметы домашнего обихода, по которым можно было бы определить, кто был последним обитателем гигантского дупла, не оправдалась. По-видимому, люди давно уже, много лет тому назад, покинули оригинальную пещеру, которая и обратилась в логовище медведя. Вот от него-то здесь осталось немало следов: пол пещеры был буквально завален костями разнообразнейших обитателей лесов Ларами, попавших в зубы гризли. И хотя не было ни одной кости, которая не была бы обглодана дочиста, тем не менее воздух берлоги был насыщен запахом гнили.

– Смотрите! Ведь это лестница! – воскликнул изумленно Джон, первый обративший внимание на то, что в одном углу имелось массивное сооружение из двух бревен с перекладинами.

– Судя по тонкости и изяществу работы, я не удивился бы, если бы мне сказали, что эту лестницу соорудил мистер Гризли! – засмеялся Бэд Тернер. – Хотел бы я знать, однако, на кой черт была нужна лестница обитателям пещеры?

– Расследуем после! – отозвался нетерпеливо Джон. – Бросьте, теперь нам не до лестницы. Лучше помогите пристроить дверь, чтобы гризли, который не преминет вернуться, не мог проникнуть внутрь.

– Не слишком ли ты торопишься, дружище? Ты не подумал, что у нас нет никакой провизии, а ведь если нам придется отсиживаться тут, то долго мы не высидим, – сказал предусмотрительный Бэд Тернер.

– Не собираетесь ли вы, шериф, заняться охотой? – удивился Гарри.

– Нет, – ответил шериф, – об охоте, разумеется, нечего и думать. Но вокруг нас должны валяться сотни и сотни шишек кедра. На безрыбье и рак – рыба, а когда нет ничего другого, то и кедровыми орехами можно пропитаться отлично. Так приспособливайте же дверь, да подоприте ее чем-нибудь, чтобы гризли не мог свалить ее лапой.

Гарри и Джон, держа ружья наготове, выскочили из пещеры и прежде всего собрали значительный запас мясистых лепешек кактуса, мякоть которых настолько напитана водой, что может отлично утолять жажду. Затем без малейшего труда они собрали огромное количество богатых орехами шишек горной пинии, как вдруг индейский агент остановился, услышав подозрительный шорох. Прислушавшись несколько секунд, он со всех ног бросился к убежищу, а Гарри последовал за ним без оглядки, словно за ним гнался сам злой дух. Вскочив внутрь берлоги, охотники немедленно закрыли выход и схватились за ружья.

– Что вы обнаружили, Джон? – осведомился шериф.

– Сам не знаю еще, что именно, но ясно слышал приближающийся к нам шум, – ответил встревоженным голосом индейский агент. – Не то наши друзья индейцы, не то добродетельный отшельник, косолапый хозяин этой кельи, гризли. Может быть, он уже знает, что мы перебрались сюда, и хочет сделать нам визит, чтобы потребовать плату за квартиру.

– Поцелует порог и отправится домой! – засмеялся Джордж. – Мы с шерифом так забаррикадировали вход, что в одно мгновение можем запереть его, и гризли напрасно обломает себе когти, пытаясь пробраться сюда.

В этот разговор вмешался Бэд Тернер.

– А меня, – сказал он, – уж очень занимает эта лестница. Посмотрите, Джон, где она кончается: хотя и очень темно, но можно различить расселину. Надо быть дураком, чтобы пристроить лестницу, по которой некуда подниматься. Ведь не вздумалось же бывшим обитателям этой берлоги ради развлечения устроить гимнастический аппарат. Я думаю, что над нашей пещерой имеется, так сказать, второй этаж. Надо бы обследовать...

– Вот я сейчас...

И младший из трапперов словно кошка забрался по лестнице на самую верхушку, по пути раза два или три стукнувшись головой о выступы стенок. Эти толчки, впрочем, доказывали только, что у молодого охотника череп был гораздо прочнее, чем истлевшая древесина дупла. Сверху на оставшихся внизу охотников посыпалась целая туча древесной пыли, вместе с которой обваливались большими кусками высохшие древесные грибы и кучи столь же сухих гнезд плесени.

Едва рассеялась эта пыль, как представилась возможность разглядеть, что в потолке пещеры имеется отверстие, прикрытое сделанным из досок щитом. Гарри не составило ни малейшего труда сдвинуть этот щит в сторону, и тогда он оказался действительно на втором этаже новой квартиры, то есть в верхней пещере, или, правильнее сказать, в верхней части дупла. Это помещение было значительно меньше нижнего, но все же достаточно просторно, и к тому же освещено некоторым подобием двух окон или отверстий в стволе.

Последовавшие за разведчиком его товарищи, осматривая новое помещение, с удивлением увидели, что по стенам тут находятся грубо сделанные полки, на которых стояли дряхлые, готовые развалиться сундуки, обитые большими гвоздями. Кроме сундуков, они обнаружили четыре старинных ружья и топор, покрытый толстым слоем ржавчины. По стенам еще висели

большие бизоньи рога, в которых, по всем признакам, должен был находиться порядочный запас пороху.

– Как вам все это нравится? – заговорил Бэд Тернер. – Должно быть, и впрямь мы с вами попали в разбойничье гнездо.

– Бандиты, говорят, ограбили золотоискателей Ларами на колоссальные суммы, – вмешался Джордж. – А что, если эти сундуки полны золотых самородков?

– Не жадничай! – отозвался Гарри. – За хороший окорок и свежеиспеченную лепешку я охотно отдал бы сейчас целый кошелек золота, а за то, чтобы быть отсюда подальше, вместе с товарищами, в лагере генерала Честера, я отдал бы, пожалуй, и целый пуд золота.

– Все-таки посмотреть надо бы!

Трапперы приступили к осмотру столь неожиданно найденного ими имущества прежних обитателей жилища внутри древесного ствола. Сбить крышки с ящичков не составило ни малейшего труда. Но тщетно Джордж переходил от сундука к сундуку: в первых шести из них нашлось только порядочное количество полуистлевшего тряпья, большие сапоги, употребляемые рудокопами, масса пустых бутылок из-под виски, кое-какие инструменты, несколько мешков пороху и свинцовых пуль. И только в седьмом ящичке, под грудой тряпок в каком-то пестром платке отыскалось то, о чем мечтал Джордж: там было около тридцати сравнительно мелких самородков золота по весу несколько больше килограмма. Имея в виду, что эти самородки должны были стоить не менее тысячи долларов, охотники могли быть довольны столь неожиданно попавшим в их руки кладом. Но радость находки отравлялась сознанием того опасного положения, в котором пребывали беглецы, ожидавшие каждый момент появления на сцену преследователей-индейцев.

– Поделим поровну! – тоном безапелляционного судьи решил судьбу клада Бэд Тернер. – Во-первых, это является имуществом без хозяина, если не считать за такового старого гризли, но ввиду постоянно совершаемых им злодейств я объявляю его лишенным прав состояния и всех имущественных прав. Во-вторых, и те, которые прятали это золото сюда, явно добыли его противозаконным путем, ограбив золотоискателей. Ну, словом, ребята, долго разговаривать нечего! Бери каждый свою долю и прячь кто как умеет. Если вывернемся, то это золото нам может очень пригодиться. Кстати, Джон, взгляните-ка на эти ружья, оставленные бандитами. Что скажете?

– Скажу, что теперь таких ружей в прерии не найти. Даже индейцы запасаются магазинами. Но, насколько я могу судить, сохранились эти ружья великолепно, пороху, пуль и пистонов есть достаточно, бьют они на двести пятьдесят и даже триста метров, так что если нас откроют индейцы, то, право же, эти ружья окажутся для нас полезнее, чем золото, с которым ничего не сделаешь.

Джон прервал свои слова неопределенным восклицанием, выдававшим его тревогу.

– Ух! Странно! Вы ничего не слышите, господа? Что за шум?

– Покуда ничего. А что?

Не отвечая, старый охотник прильнул ухом к стволу дерева и прислушался.

– Я не ошибся, – прошептал он, предостерегая товарищей сохранять полное молчание. – Наш косматый хозяин, как я и думал, должно быть, совершал увеселительную прогулку в поднебесье, забравшись на самую верхушку дерева. Теперь он, чем-то обеспокоенный, спускается вниз.

– Но ведь все говорят, будто взрослые медведи настолько тяжелы, что никогда не могут вскарабкаться высоко?

– Не верьте бабьим сказкам, шериф. Нет в мире бестии более ловкой, чем гризли. Это такие ползуны по деревьям, что, право, им любая обезьяна позавидует. Я лично застрелил одного топтыгина, когда он находился на высоте добрых шестидесяти метров от земли на ветвях секвойи. Вот и наш квартирохозяин, должно быть, будучи большим лакомкой, лазил на

верхушку дерева в поисках молодых шишек. Он уже близок и, кажется, спускается так, что его можно будет увидеть в одно из наших окошечек.

В самом деле, минуто спустя, выглядывая осторожно сквозь узкую расселину, беглецы могли отлично увидеть находившегося на одной из гигантских ветвей их дерева колоссального медведя. Это было великолепное животное больше двух с половиной метров длиной, с густой и курчавой шерстью темно-серого цвета. Медведь очень быстро спустился к корням дерева и стал возиться около забаррикадированного входа в свое логовище. Он свирепо рычал и работал зубами и когтями с таким усердием, что даже сам строитель баррикады, шериф Гольд-Сити Бэд Тернер, стал сомневаться, выдержит ли долго напор медведя дверь.

– Эх, какого дурака свалили мы все! – ударил себя по лбу Джон.

– В чем дело? – осведомился Бэд Тернер.

– Да если бы мы теперь впустили медведя в нижнюю пещеру и втащили в верхнюю пещеру лестницу, то медведь был бы для нас совершенно безопасен. С ним мы могли бы справиться в любой момент, а в то же время присутствие медведя в дупле совершенно отвратило бы всяческие подозрения индейцев, если бы эти последние, идя по нашим следам, что весьма возможно, добрались бы до берлоги.

– Да, кто же знал, – возразил шериф, – что дупло имеет два этажа? Но, собственно говоря, нахожу идею очень резонной, а осуществить ее нетрудно и сейчас. Втащим наверх всю нашу провизию, а я ослаблю баррикаду настолько, что через пять минут наш почтенный домовладелец восстановит свои законные права. А когда нам удастся избавиться от индейцев, мы всегда сумеем всадить и в его упрямую башку пару свинцовых шариков. В самом деле, такой медведь, как наш, даст добрых четыреста килограммов мяса.

– А какие у него окорока! – с явным восхищением отозвался Гарри.

Сказано – сделано. В одну минуту весь небогатый запас провизии был перетащен наверх, а тем временем шериф Гольд-Сити торопливо разбросал сухие кости животных, которыми был загроможден вход в древесную пещеру, и отодвинул в сторону засовы и подпорки, поддерживающие дверь.

Едва Бэд Тернер поднялся по лестнице в верхнюю пещеру и помог трапперам втащить туда же лестницу, как медведь, справившийся, наконец, с дверью, испустил, должно быть, в знак удовлетворения протяжный рев и кубарем вкатился в свою берлогу. Там, почуяв близкое присутствие людей, он заметался из стороны в сторону, поминутно становясь на дыбы и даже пытаясь подняться наверх при помощи цепких когтей, но, поскольку медведю явно не хватало точек опоры, из этого ничего не получалось, и гризли, поднявшись на полтора-два метра, каждый раз срывался и гулко шлепался на пол.

Разумеется, все эти манипуляции американский господин Топтыгин сопровождал неистовым рычанием и свирепыми ударами могучих лап по стенам пещеры. Но единственным результатом его неразумных усилий было то, что нижняя пещера была буквально засыпана древесною гнилью, обращенной в пыль, а эта пыль заставила медведя раскашляться и расчихаться.

Тем временем находившиеся в полной безопасности беглецы, давно уже проголодавшиеся, принялись за свою скромную трапезу, не обращая никакого внимания на все еще возившегося внизу неугомонного «домовладельца». В довершение блаженства у трапперов оказался в достаточном количестве табак, и, насытившись, они принялись преспокойно курить. Потом, чувствуя усталость, они устроили, насколько возможно, из принесенных с собою одеял, а отчасти из найденного в сундуках тряпья немудреные постели и расположились на отдых, как будто бы они были за тысячу километров от рыскающих поблизости индейцев.

Должно быть, и гризли утомила возня и бесплодная борьба с древесной пылью: по крайней мере, он скоро затих и, по-видимому, последовав примеру своих квартирантов, улегся отдыхать.

Заглянув сверху сквозь люк вниз, Бэд Тернер увидел могучее животное прямо под собой. Медведь лежал, прикрыв передними лапами свой нос.

– Ну, – промолвил, улыбаясь, Бэд, – если мне понадобится нанимать сторожа, я не возьму этого лодыря. Он спит так спокойно, как будто мы не поручали ему сторожить наш дом от индейцев...

Шериф прилег, и скоро дремота одолела его. Товарищи Бэда давным-давно уже спали. Но прошло четверть часа, и Бэд Тернер приподнялся на локте, к чему-то прислушиваясь.

В это мгновение в непосредственной близости от убежища трапперов прогрехотал ружейный выстрел.

– А, дьяволы! – выругался Бэд Тернер. – Не дадут подремать как следует...

Глава IX Осада

При звуке ружейного выстрела, произведенного, надо полагать, кем-либо из индейцев Миннегаги, трапперы вскочили на ноги. Каждый из них первым делом схватился за свой карабин.

– Индейцы! – в один голос вскричали они.

– Ваша догадливость граничит с гениальностью! – улыбнулся шериф. – Это что-то сверхъестественное! Как это вы догадались, не могу понять, что стрелял не медведь, а индейцы?

– Эка вас разбирает охота шутить и смеяться! – с неудовольствием отозвался Гарри. – Может, наша жизнь на волоске висит, а вы шутите.

– Дурень! Ты хотел бы, чтобы я, старый степной волк, расхныкался, как баба, при мысли, что вблизи шляется какой-то шалый индеец? Но я, мой милый, уже так много раз видел мою жизнь висящую, как ты выражаешься, на волоске, и убедился, что этот волосок крепче иного корабельного каната. Но будет болтать! Послушаем, что скажет мистер Джон по этому поводу.

– Что я скажу? – задумчиво вымолвил индейский агент. – Во-первых, я скажу, что, насколько я понимаю дело, выстрел дан с берега каньона. Во-вторых, охотиться индейцы, гоняясь за нами, не станут. В-третьих, проследив нас до спуска в каньон, что, конечно, не представило для этих ищеек никаких затруднений, они послали вверх и вниз по течению разведчиков. Если кто и стрелял, то даю голову на отсечение, что это один из разведчиков. Зачем он стрелял? Единственное объяснение: разыскал наши следы и выстрелом оповестил об этом своих товарищей. Таким образом...

– Таким образом, – перебил индейского агента шериф, – вся эта компания через десять минут будет возле нашего убежища! В каком университете учились вы логике, Джон?

Не отвечая на шутку приятеля, индейский агент задумчиво пробормотал:

– Странное дело. Смерти я не боюсь, хотя на рожон и не лезу. Бывал я в переделках столько раз, что и не счесть. И, по совести, никогда до сих пор не испытывал я того, что испытываю теперь...

– Зубы болят, что ли?

– А ну вас, Тернер! Убей меня Бог, мне не до шуток! Вот спать лег и во сне видел, будто проклятая Миннегага мой скаल्प сдирает. Так ясно увидел я эту картину, что даже и сейчас как будто чувствую боль в том месте, где надрезал кожу нож индейской гадюки. Нет, будь я проклят, старый дурак! Нужно же было мне соблазниться принять предложение этого полоумного англичанина и забраться в эти места, куда мне и носа показывать не следовало, по крайней мере покуда жива Миннегага.

– Будет вам, Джон! Ваш скаल्प еще держится на вашей голове. Что же вы заранее его оплакиваете? – прикрикнул на приятеля Бэд Тернер. – Лучше посмотрим, что поделявает наш почтенный толстокожий домовладелец.

Все четверо принялись наблюдать сквозь люк, какое впечатление произвел грохот ружейного выстрела на свирепого «домовладельца», то есть на медведя.

– Старый Джонатан проснулся, – шепнул Гарри.

– Принюхивается. Что-то чувствует, – добавил Джордж.

– Ребята! Вы помоложе меня, побыстрее. Ну-ка, спуститесь к мистеру Гризли и вежливо расспросите его, что именно он предполагает делать и как отнесется к визиту индейцев? – пошутил неисправимый Тернер.

Дружный смех всех четырех огласил воздух странного жилища в дупле лесного гиганта. Но сквозь смех прорывались невольные тревожные нотки: опасность, угрожавшая этим людям, была слишком велика, и каждый из них очень хорошо понимал это. Они предпочли бы, уж если на то пошло, скрываться от преследования индейцев в степном просторе, мчатся по прерии на борзых конях, а не сидеть в темном дупле и не быть осужденными пассивно ожидать появления врагов.

– А что мы будем делать, – осведомился Гарри, – если индейцы, несмотря на присутствие внизу гризли, все же откроют наше убежище?

– Не знаю, что будешь делать ты, парень. А я возьму свое ружье и попробую, не разучился ли я стрелять, – сказал шериф.

– Самое главное, нам бы время протянуть, – отозвался Джордж. – Вот мы все толкуем о генерале Честере. Все говорим, что его лагерь далеко. А мне так кажется: да неужто Честер будет себе сидеть в лагере, словно мы в дупле, и ожидать, покуда индейцы придут к нему на обед?

– Браво, парень! – воскликнул Джон. – Ты не так глуп, как это кажется! В твоей голове есть-таки кое-что... В самом деле, если только Честер узнал о начале восстания, вероятнее всего, он попытается разогнать индейцев раньше, чем их силы соединятся. А тогда ему не миновать этих мест. Подождем, увидим, что будет. Но смотрите, что выделывает гризли! Право, он может подать в суд жалобу на то, что нарушено его священное право собственности и посторонние субъекты вторгаются в пределы его жилища, хотя он и протестует весьма настойчиво.

В самом деле, явно почуявший приближение индейцев медведь свирепо зарычал, поднялся на дыбы, потом опустился и застыл в выжидательной позе, оскалив зубы и устремив пылающий взор на вход, к которому приближались враги.

Потом, видимо, поддаваясь овладевшему им гневу, медведь стал раскачиваться преуморительно на одном месте, причем его уши нервно ворочались, а шерсть встала дыбом.

«Старый Джонатан», не привыкший отступать перед опасностью, явно готовился к смертному бою, собираясь наказать дерзких двуногих пигмеев, которые осмелились приблизиться к его жилищу.

– Представление начинается! – предупредил товарищей наблюдавший за каждым движением медведя Бэд Тернер. – Теперь в теле нашего серого приятеля сидит добрая сотня чертей. А скоро там наберется их целая тысяча, и тогда он сам обратится в дьявола.

– Нам это только на руку, – отозвался Джон. – Если бы он мог передуть, как мышей, всех краснокожих, я бы ему только спасибо сказал. Но на это надеяться трудно. Надо отдать должное индейцам: они тоже мало чем любому дьяволу уступят. Но смотрите: гризли таки собирается покинуть свою берлогу.

В самом деле, медведь выбрался из берлоги и стоял перед ней, ожидая приближения врагов. Потом неторопливо стал отходить от дерева. В это мгновение из ближайших кустов поднялось два облака порохового дыма и прогрехотали два выстрела, на которые медведь ответил

громоподобным ревом. Однако животное, по-видимому, еще не было во власти своего бешенства, или, может быть, имея случай уже познакомиться с ружейными пулями, не решилось на открытую борьбу. Так или иначе, но старый гризли, довольно быстро пятясь, вернулся в свою берлогу, скрежеща зубами. Едва его тело скрылось в тени, как стрелявшие по нему индейцы выбрались на открытую полянку. Это были молодые и статные воины, вооруженные карабинами, боевыми топорами и длинными ножами. Шагов за сто от дерева, приютившего беглецов и их неожиданного четвероногого защитника, краснокожие приостановились, как будто совещаясь о том, что следует предпринять, но потом решительными шагами направились к берлоге. По этому можно было заключить, что они опирались на солидную поддержку со стороны товарищей: идти вдвоем на гризли было бы даже не геройством, а простым безумством.

– Ну, дружище Джон! – сказал Тернер. – Теперь нет никакого сомнения, что эти краснокожие джентльмены, которые собираются уложить нашего домовладельца, выследили нас. Не будь этого, они не посмели бы думать об охоте на медведя. А теперь они явно собираются уничтожить гризли, чтобы потом без помех заняться поисками беглецов.

– Да, ухлопают старого Джонатана, а потом придет и наша очередь, – глухо пробормотал Джон.

Тем временем число индейцев на поляне значительно возросло: один за другим краснокожие воины выскакивали из кустов и присоединялись к разведчикам.

Ожидавший нападения медведь втянул свое тело в пещеру, а голову держал снаружи и, глядя на близких врагов блестящими глазами, сопел и время от времени рычал.

Не обращая на него внимания, разведчики медленно придвигались, идя, очевидно, по следам беглецов. Иногда они останавливались и совещались, тревожно поглядывая вокруг: их явно ставило в полное недоумение то обстоятельство, что следы беглецов вели прямо к берлоге медведя. Они никак не могли понять, каким образом столь свирепое животное могло оказаться союзником белых. Единственным разумным предположением было то, что беглецы погибли в схватке с гризли. Но, с другой стороны, индейцы знали, что все четверо являются храбрыми и опытными охотниками, и едва ли борьба с ними обошлась бы дешево медведю, а между тем, судя по бодрому виду гризли, он еще не имел никакой схватки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.